

ЗОЛУШКИ

для холостяков

РОМАН-ОТКРОВЕНИЕ

МАША
ЦАРЕВА

НАЙТИ СЕБЕ НОВОГО
ЛЮБОВНИКА? ЭТО БЫЛО
БЫ НЕ ТАК СЛОЖНО..
ПРОБЛЕМА ОДНА – МЕНЯ
ТОШНИТ ОТ ОДНОЙ ТОЛЬКО
МЫСЛИ, ЧТО Я МОГУ ОПЯТЬ
КОМУ-ТО ДОВЕРИТЬСЯ.

Я ВСЕГДА СМУТНО ДОГА-
ДЫВАЛАСЬ, ЧТО ОДИНОКИЕ
ЖЕНЩИНЫ ПОД ТРИДЦАТЬ
ПРЕДСТАВЛЯЮТ НЕКО-
ТОРУЮ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ
УВЯЗШЕГО В БЫТОВОМ
БЛАГОПОЛУЧИИ ОБЩЕСТВА.

Маша Царева

Золушки для холостяков

«ЭКСМО»

2010

Царева М.

Золушки для холостяков / М. Царева — «Эксмо», 2010

Жизнь современной москвички, небогатой, амбициозной и одинокой, – это ежедневный золушкин бал. Роль доброй феи исполнит утренний бокал шампанского, каретой станет переполненный вагон метро, фейк с Тушинского вещевого рынка сойдет за хрустальные туфельки, вот только принцев все равно на всех не хватит. И чтобы заполучить хоть одного, не превратившегося в тыкву, иногда приходится быть беспринципной и придумывать свои сказочные правила. Ранее это произведение выходило под названием «Разыскивается мужчина мечты, или Три золушки в мире холостяков».

© Царева М., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Маша Царева

Золушки для холостяков

Глава 1

День святого Валентина мы отмечали, как всегда, вдвоем – я, Танька и Альбина.

Каждая из нас может с видом профессора-зануды прочитать монотонную лекцию о порочности и бессмысленности этого коммерческого и надуманного праздника, но в глубине души все мы мечтаем, что в один прекрасный день один прекрасный принц (в идеале принцев должно быть трое) разобьет наш печальный триумвират и мы сможем с легким сердцем присоединиться к захлебывающейся розовыми соплями толпе. Я не считаю себя обделенной мужским вниманием особой. Но почему-то именно 14 февраля уже в который раз остаюсь одна.

Мы сидим в малоизвестном баварском ресторанчике на Арбате и, морщась, цедим нефilterованное пиво, закусывая его острыми куриными крылышками. Разумеется, мы предпочли бы этому бургерскому пойлу изысканное сухое вино, однако в ресторанах и барах этим вечером лучше не появляться вообще. Все более-менее приличные места оккупированы сладкими парочками, которые дарят друг другу сердцевидные воздушные шарик и в порыве страсти пишут «я тебя люблю» на салфетках.

Наш тонкий расчет был таким: вряд ли уважающие себя влюбленные зарулят в пропахшую копчеными сосисками пивнушку – как-то неромантично это. Так оно и оказалось – кроме нас в заведении находилась лишь вялая компания интеллигентно выпивающих иностранцев.

– Да кому вообще нужна вся эта романтика? Уж точно не мне, – громко вопит Альбина, отодвигая от себя пустую пол-литровую кружку и придвигая полную.

– Точно, – вторит ей Танька, – да если бы кто-то подарил мне бумажное сердечко и смотрел при этом... знаете, как сенбернар, меня бы, наверное, немедленно стошнило.

Я молчу. Исход сегодняшнего вечера известен мне наперед. Еще пара кружечек – и нам надоест отсиживаться в катакомбах; в жажде приключений мы поймем такси и рванем в прокуренную пещеру какой-нибудь шумной дискотеки. Там Танька молниеносно догонится текилой, и ее все равно стошнит, несмотря на то что никто и не думал дарить ей бумажных сердечек. Альбина будет прищипывать хитрые глаза посыпанными блестками веками, кокетничать направо и налево и в итоге склеит какого-нибудь уцененного субчика с прыщом на подбородке, зато в джинсах «Эвису». Ну а я... я, наверное, весь вечер буду отпаивать проспиртованный организм крепким кофе, а под утро, злая и трезвая, отправлюсь домой в гордом одиночестве.

Здесь, пожалуй, пора бы в двух словах рассказать о том, что мы собой представляем.

Сначала, как водится, о внешности. Тем более что мы являем собою классический триумвират – союз блондинки (это Танька, правда, она крашенная, но это почти незаметно), брюнетки (я тоже крашенная) и рыжей (Аля, как ни странно, пожаром на голове наградила ее при родах). Хочется верить, что посмотримся мы очень даже кинематографично, хотя то у одной, то у другой не хватает денег на приличные колготки. Зато мы мечтаем, что когда-нибудь будем отовариваться как минимум в Милане, ну а пока приобретаем очередные джинсики в «Дисконт-центре» и вполне собою довольны.

Иными словами, мы – тривиальные москвички среднего достатка с претензией на некоторую светскость и грандиозными планами на будущее.

Я работаю в глянцевоm журнале «Мир звезд» редактором раздела светской хроники и который год мечтаю сделать что-нибудь значительное, например написать книгу, которая покори весь мир. Ну а пока мне удалось покорить лишь главного редактора журнала Юлиана Афа-

насьевича (хотя я, честное слово, ни о чем таком и не помышляла даже), в результате чего он и принял меня на работу в смутной надежде когда-нибудь в будущем со мной переспать.

И вот теперь, сталкиваясь со мной в редакционном коридоре, он частенько говорит, что у меня выразительные глаза, хотя смотрит при этом на ноги, а я загадочно улыбаюсь и тяну время. Поскольку Юлий Афанасьевич толст, страшен, как Квазимодо, к тому же любит лук и пахнет соответственно, ему уж точно ничего со мной не светит. Так что, скорее всего, меня уволят, как только монстр просечет, что я не играю в сладкое томление, а попросту грубо его динамлю.

Ну а пока я получаю семь сотен условных единиц за то, что напиваюсь в хлам на разнокалиберных светских раутах, изредка перекидываюсь парочкой фраз со знаменитостями, а потом бойко строчу обо всем этом в журнал, выдавая свои опусы за эксклюзивные интервью.

Танька – в прошлом моя соседка по школьной парте, ныне – профессиональная любовница, хотя сама она почему-то называет себя манекенщицей. Впрочем, на заре туманной юности она и правда участвовала в нескольких показах мод. Вообще-то то, чем подружка моя зарабатывает на хлеб и туфли, можно назвать проституцией. Но если вы скажете об этом Таньке, она обдаст вас не только холодным презрением, но и горячим кофе, который будет экспрессивно выплеснут прямо в вашу удивленную физиономию.

На самом деле Татьяна, конечно, не стоит на Ленинградском шоссе, не клеится к мужчинам в казино и, познакомившись с кем-нибудь, не вывешивает на свой лоб ценник. Со стороны она выглядит обычной неработающей москвичкой в поисках любви и приключений. Однако посудите сами: моя подруга ни за что не будет встречаться с бедными студентами, скромными программистами, нищими художниками или даже бизнесменами средней степени удачливости. Нет. Чтобы попасть к Тане в кавалеры, надо быть человеком кредитоспособным и уж точно не жадным. Живет она в квартире, которую снял для нее предыдущий бойфренд, женатый нервный предприниматель, с которым она встречалась почти полгода. Следующий бойфренд, директор рекламного агентства, подарил ей шубу и часики с плавающими бриллиантами. Часы пришлось продать – на эти деньги Танька сейчас и существует. Ну а поскольку все хорошее (а особенно деньги) когда-нибудь кончается, то в данный момент она с удвоенным энтузиазмом пытается заманить в свои сети следующую жертву.

Альбина из нас троих самая молоденькая – нам по двадцать девять, а ей всего двадцать два, и дружим мы с ней только из-за ее недетской рассудительности и фантастического цинизма. К тому же она самая – увы! увы! – красивая, хотя мы с Танькой тоже девушки хоть куда. Самая целеустремленная, ведь в таком юном возрасте она точно знает, чего хочет от жизни (а именно – стать певицей).

Иногда я ей даже немного завидую, поскольку мое собственное будущее покрыто таинственным мраком. Я окончила факультет журналистики, но до сих пор не определилась с тем, правильно ли выбрала профессию. Можно сказать и так: я определилась, что профессию выбрала неправильно, но даже и не представляю, чем еще может заняться обремененная обрывочным гуманитарным образованием ветреная особь вроде меня.

Вот, например, на прошлой неделе мне ни с того ни с сего стукнула в голову мысль: а не бросить ли все и не податься ли в паломнический тур по буддийским храмам Индии? Пару дней я ходила под впечатлением от этой мысли, вся из себя такая просветленная. Но потом сообразила, что на такое путешествие у меня просто не хватит денег.

Но вернемся к Альбине.

Еще она у нас самая талантливая – потому что в отличие от большинства мечтающих прорваться на сцену она и правда умеет петь. И самая знаменитая – в прошлом году она стала участницей реалити-шоу «Конвейер талантов» (правда, выбыла в первом же туре, зато успела спеть дуэтом с небезызвестным представителем эстрадных секс-меньшинств и сфотографироваться для женского журнала).

Мы с Татьяной – классический дуэт двух первых красавиц класса, чье детское соперничество переродилось в самую светлую в мире дружбу. Когда нам было по восемь лет, Татьяна облила мой стул клеем и испортила таким образом мое новое школьное платье (и все потому, что одноклассник Андрюша пригласил меня на день рождения, а ее не пригласил), зато теперь мы с ней готовы облить презрением любого, кто усомнится в силе женской дружбы, и испортить отношения с каждым, кто посмеет попытаться одной из нас навредить. Может быть, это прозвучит чересчур пафосно, но мы с Танькой друг за друга горой.

Наша дружба прошла через огонь (я имею в виду пламя страсти, конечно, но это было, еще когда мы верили в сказочную подоплеку жизни и ждали чуда от окружающих мужчин), воду и фаллопиевы трубы, которые Танька в прошлом году зачем-то перевязала, сознательно отказавшись от перспективы материнства, в ответ на что я пообещала всю жизнь скрашивать ее одиночество.

Альбина примкнула к нашему полусемейному дуэту полтора года назад при весьма забавных обстоятельствах. Однажды во время чинного ужина в малолюдном мексиканском ресторанчике Татьяна с горящими глазами объявила, что у нее, мол, есть косячок. Вообще-то наркотиков мы не употребляем, предпочитая сомнительному дурману старый добрый алкоголь. Но ситуация была особенная – Татьяне дал отставку очередной большой босс, с которым у нее намечался страстный роман, но после первого же секса он почему-то предпочел Таньке какую-то восемнадцатилетнюю модельку из Киева. На самого босса ей, понятное дело, было наплевать, но перед исчезновением он грозился подарить ей внедорожник «Тойота», и вот теперь Татьяна оплакивала машину, как умершего друга.

Так что я решила не капризничать, и, прихватив косячок, мы отправились в туалетную кабинку ресторана, где обнаружили задыхающуюся от рыданий совсем молоденькую девчонку, которая в интервалах между всхлипываниями выкрикивала что-то среднее между «повешусь», «застрелюсь» и «оболью кислотой подонка». Мы сразу же поняли, что девушку бросил мужчина, и в порыве женской солидарности принялись наперебой утешать наивную малолетку. Но потом выяснилось, что мужчины здесь вообще ни при чем: просто Альбина (а это была именно она) рассчитывала подписать контракт с известным продюсерским центром и ради этого провела уик-энд на даче администратора, там работающего. В обмен на совместные выходные со всеми вытекающими он пообещал организовать ей встречу чуть ли не с самым главным музыкальным продюсером страны. И вот теперь вдруг выяснилось, что этот делец вообще не имеет к вышеупомянутому центру никакого отношения, просто ему понравилась Альбина, и вот он решил таким странным способом свести с нею близкое знакомство. Обо всем этом она узнала только что и в ресторане находилась с тем самым предприимчивым малым.

Закончилось все тем, что мы угостили Алю косячком, а потом втроем подошли к столу, за которым скучал обманщик, и, громко хохоча (видимо, такой эффект дало курение марихуаны), высказали ему все, что о нем думаем.

После чего нас выгнали из ресторана за нецензурную брань, и вот с тех пор мы подруги неразлейвода. Да уж, жизнь все-таки забавная штука.

– То ли это пиво такое забористое, то ли мне и правда нравится вон тот мужик, – вдруг зашипела Альбина, махнув рукой куда-то вправо.

Мы с Танькой синхронно скосили глаза, несмотря на то что подруга наша тотчас же опомнилась и завопила: «Да не смотрите же вы на него так, спугнете!» Но у нас и в мыслях не было скромничать – мы были уже достаточно пьяны, и появление предмета для живейшего обсуждения казалось нам сейчас гораздо более важным, чем внезапная подружка симпатия.

Присмотренный Альбиной тип был совсем не в моем вкусе – какой-то слишком уж прилизанный, аккуратненький. Редкие светлые волосы зачесаны на косой пробор. Серые глаза

прячутся за интеллигентными очками в тонкой золотой оправе. Строгий костюм сидит идеально, рубашка выглажена так, словно он собирался на конкурс услужливых менеджеров. Галстук почему-то подобран в тон ботинкам – и то и другое сомнительно фиолетовое.

Когда я вижу таких вот людей, мне хочется одного: толкнуть их так, чтобы они вляпались в какую-нибудь лужу или хотя бы чиркнули рукавом пиджака о свежоштукатуренную стену. Нельзя в наше время быть такими идеальными, никак нельзя.

– Какой кошмар, – вынесла вердикт Танька, и я уже была готова горячо ее поддержать, когда она добавила: – Да у него же часы «Свотч»!

– Ну и что? – удивилась я. – Хорошие часы. У меня, между прочим, тоже такие есть.

– Ты женщина, тебе простительно, хотя-я... В нашем возрасте уже пора носить бриллианты. А вот у мужиков часы должны быть дорогими, это факт.

– Опять ты начинаешь. – Альбина возвела глаза, под которыми еще не было даже тоненьких морщинок, к потолку. – Каждому свое. Если *ты* хочешь выйти замуж за джип или за кошелек, это не значит, что мне не может понравиться этот очаровательный скромный клерк.

– Красиво говоришь, – одобрила я. – Интересно, если я еще выпью пива, то смогу дойти до туалета или случится конфуз?

– Да погоди ты, – поморщилась Аля. – Слушайте, а может, мне к нему подойти? Насть, как ты считаешь, он нормально отреагирует?

– Судя по тому, как он на тебя смотрит, он нормально *проэрегирует*, – загоготала Танька, и Альбине пришлось наступить ей на ногу, чтобы она наконец уgomонилась.

– Конечно, подойди, – пожала плечами я, – мы же не в каменном веке живем.

– Ага, а что мне ему сказать? – деловито поинтересовалась она.

– Ну, когда я в последний раз подошла сама к мужчине, – нахмурилась я, припоминая, – кажется, на прошлой неделе... То брякнула: «А вы случайно не снимались в фильме «Бригада»?» Он сразу растаял.

– А на кого он был похож? – оживилась Танька. – На Безрукова, надеюсь?

– Неважно, – вздохнула я, – главное, что на поверку он оказался ужасным занудой. Я потом еле от него отвязалась, он шел за мной по улице и предлагал свои услуги в ассортименте – от «проводить домой» до «переспать в его машине».

– Попросила бы подарить тебе джип, он бы сразу и испарился, – вставила Таня, видимо, все еще сильно страдая об утрате.

– Могу оставить тебе его телефончик, у меня где-то есть... Так что, Аль, смелее! Главное – креативный подход.

– Ну ладно. – Альбина пригладила ладонью волосы (за минуту до этого она ела руками королевские креветки, так что теперь ее шевелюра масляно блестела и вдобавок источала рыбное амбре) и, пошатываясь, двинулась к столику объекта.

Глядя на то, как она застенчиво улыбается, пьяно шурит глаза и что-то тихо говорит удивленному «клерку», мы с Танькой переглянулись и синхронно вздохнули:

– Романтика...

– Насть, а пойдем сегодня в клуб, – предложила Татьяна, – чего-то мы давно не танцевали.

– Не-а, – вяло отказалась я, – мне завтра на работу рано вставать. И потом, меня уже тошнит от этого Дня святого Валентина и всего, что с ним связано.

Таня угрюмо посмотрела на стремительно пустеющую пивную кружку:

– А меня уже тошнит от того, что я вынуждена пить дешевое пиво, да еще и самой за него платить. Душа просит шампанского и икры. Душа просит моря и платья от Дольче и Габбана.

Я машинально прислушивалась к тому, чего еще просит душа моей лучшей подруги. Мое внимание ненадолго задерживалось на таких пунктах, как «арабский скакун» или «апельсиновый садик на берегу моря». Зачем неспортивной Тане лошадь? Или она уже отчаялась ждать

прекрасного принца и надеется теперь хотя бы на коня? И потом, у нее же аллергия на цитрусовые, насколько мне известно.

А разошедшаяся Танька все диктовала и диктовала невидимым высшим силам условия, при которых она могла бы стать счастливой.

Я же тем временем думала о своем.

Все мои родственники (с которыми я общаюсь крайне редко, поскольку с девятнадцати лет снимаю собственную квартиру) хором называют меня неудачницей – и это только потому, что за свои почти тридцать лет я ни разу не прослушала Мендельсонов марш в торжественной атмосфере районного ЗАГСа. К тому же я шокирую их заявлениями, что я не люблю детей (хотя в глубине души мне, конечно, хочется встретить мужчину, который... ну, дальше вы и сами можете продолжить). Короче, мой материнский инстинкт – соня, как, впрочем, и я сама.

В то же время я не монашенка, не синий чулок и не наивная дева в ожидании мужчины мечты. Время от времени (ладно уж, довольно часто) я хожу на свидания, которые иногда заканчиваются слиянием в экстазе двух почти безразличных друг другу тел, чей взаимный интерес подогрет текилой или вином или и тем и другим плюс какая-нибудь «Ром-кола» в качестве десерта. Короче, пью я довольно много – это факт.

Моя мама преподает сольфеджио в музыкальной школе, носит пучок и очки в роговой оправе и пьет кофе исключительно из доставшегося по наследству от бабули фарфорового сервиза. Время от времени эта отягощенная синдромом отличницы интеллигентка без предупреждения врывается в мою квартиру только для того, чтобы обнаружить в холодильнике и в серванте початые и непчатые бутылки вина и закатить мне по этому поводу скандал.

Она говорит так: вот пройдет еще энное количество лет, и ты, Настя (то бишь я), пожалеешь, что так безалаберно тратила время на гулянки, пьянки и непонятно каких мужчин. Ты пожалеешь, что поступила на журфак, а не на юридический, говорит она, потому что тебе, видите ли, там было бы скучно. Ты пожалеешь, что, вместо того чтобы учиться печь блины и гладить воротнички мужских рубаш, ты училась курить в затык и выпускать при этом дымовые колечки.

И еще она говорит, что на такую, как я, не польстится ни один нормальный мужчина, поэтому в будущем меня ожидает одинокая унылая старость.

На этом месте я, как правило, взрываюсь и на повышенных тонах начинаю объяснять маме, что лучше уж я останусь одна, чем буду вести такую жизнь, которую она посчитала бы сложившейся, – жизнь, склеенную из умеренного карьеризма и вялой бытовухи. Потому что, когда ты стоишь у плиты по три с половиной часа в день, и еще два часа тратишь на дорогу в офис, и еще шесть бесполезных часов просиживаешь штаны в оном, да еще и встаешь на часик пораньше, чтобы прибыть на работу с отглаженными до глянца волосами и подведенными глазами, – это все жизнь в матрице, в мелком придуманном мирке. Когда ты умеешь печь пироги с пятнадцатью разновидностями начинки, но при этом тебе по фигу, что в далеком Эквадоре есть настоящие индейские рынки, где можно увидеть потомков загадочных вымерших племен ацтеков и майя, то это не настоящая жизнь, отвечаю с надрывом я.

Правда, тут я вспоминаю, что и сама ни разу не имела счастья посетить индейский рынок, потому что жизнь на мою зарплату пока несовместима с таким путешествием. Так что по всему выходит – настоящая жизнь проходит не только мимо ограниченной мамы, но и мимо меня самой.

И с каждым годом эта мысль печалит меня все сильнее.

Кокетливый хохот Альбины (больше похожий на ржание мифического скакуна из голубой Танькиной мечты) вернул меня к действительности.

Кажется, у Али все было на мази – она уже сидела за столиком разомлевшего от внимания рыжей красотищи «клерка», который заказал для нее какое-то хитроумное блюдо под сырной

корочкой, глядя на которое я приуныла, ведь у меня самой не было денег на сытный ужин. Настроение немного испортилось.

Я позволила себе вмешаться в монотонный Танькин монолог:

– Тань, а тебе никогда не кажется, что *настоящая* жизнь проходит мимо нас?

– Что? – ословело переспросила она.

– Понимаешь, кто-то путешествует, ищет клады, рискует жизнью, волнуется, влюбляется, умирает от страсти, уходит в монастырь по личным причинам, спивается, усыновляет детей, а мы... Мы каждый вечер пьем вино и снимаем мужиков.

– Ты права, *настоящая* жизнь проходит мимо, – покладисто согласилась Танька, после чего уверенно вырулила на проторенную дорожку своей привычной бытовой философии, – кто-то покупает «Феррари», кто-то покупает норковую шубу, кто-то покупает свадебное платье за четыреста тысяч баксов, кто-то покупает себе известность, а кто-то покупает дом на Голливудских холмах, а кто-то...

– Тань, я больше не могу слышать слово «покупает», – честно призналась я.

– Ты права, – вздохнула Танька, – я неправильно выразилась. Конечно, нормальные люди ничего себе не покупают. Нормальным людям все нужно *дарят*! А мы...

Вопрос: сколько метров может пройти по московской улице симпатичная девушка слегка навеселе при условии, что на ней черная юбка на двадцать сантиметров выше колена и десятисантиметровые каблуки?

Ответ: чуть менее пятнадцати.

Иными словами – дошла я до первого перекрестка, вытянула вперед руку в невинном намерении тормознуть такси и отправиться домой, к телевизору, Интернету и шоколаду. И тут, отчаянно визжа тормозами, останавливается передо мной джип «Шевроле Блейзер» с тонированными стеклами – машина выглядела так, словно прикатила прямиком из анекдота про новых русских. Я насторожилась и немного подалась назад – из криминальных хроник мне известно, что подобные встречи порою ни к чему хорошему не приводят. Как назло, вокруг не было ни души. А ведь я раз сто пятьдесят собиралась взять парочку уроков по самообороне, да вот только слишком ленива я для регулярных физкультурных эскзекуций.

Доигралась – сейчас из джипа вывалятся четыре мордоворота, и что мне с ними делать?!

Тем временем стекло плавно опустилось, и из салона донесся смутно знакомый голос:

– Настька, ты, что ли?

Я осторожно вытянула шею. За рулем монстра восседала хрупкая блондиночка, которую можно было бы назвать хорошенькой, если бы чересчур мелкие черты лица не делали ее похожей на рисованного грызуна. Девушка подслеповато щурилась и смотрела на меня во все глаза.

С досадой я признала в ней свою бывшую коллегу Вареньку. Года три назад мы бок о бок пахали в рекламном агентстве. Наши должности назывались красиво – офис-менеджеры, но работа наша заключалась в том, чтобы носиться по занимающему четыре этажа офису, распечатывая какие-то документы, рассылая факсы, отвечая на звонки, а иногда и поднося генеральному директору кофе. И вот Варенька эта самая, не будь дурой, в один прекрасный день, видимо, подмешала в кофе шпанскую мушку или еще какой-нибудь возбудитель половой активности. И наш растяпа-шеф ударно принялся за нее ухаживать. А закончилось все шумной свадьбой в ресторане «Суворов», на которую меня отчего-то позвать забыли. Наверное, Варенька решила, что она теперь вырвалась на иной уровень светскости, а я, выходит, для нее – пташка мелкокалиберная.

В этой истории непонятно одно: отчего сейчас-то она мне улыбается так, словно я ей миллион баксов задолжала?

– Настька, сколько же лет мы не виделись? – ахнула Варенька. – Как я рада тебя видеть!

– Кажется, года три, – ответила я, проигнорировав вторую часть ее фразы. Мне было холодно да и неохота точить ляды с той, которая так явно мною пренебрегла.

– Куда идешь? Ты спешишь? Как вообще твои дела? – на меня посыпались вопросы, что с ее стороны было крайне неинтеллигентно. Ведь она-то сидела в теплой, пахнувшей хвойным ароматизатором машине, а я стояла по уши в московской вязкой слякоти, и на мои волосы (шапки мне не идут) падали хлопья мокрого снега.

– Иду домой, – послушно ответствовала я, – спешу. Дела – хорошо.

– Слушай, а зачем тебе домой? – Варенька наконец-таки соизволила гостеприимно распахнуть передо мной дверь своего джипа. – Поехали лучше в клуб N, там один мой приятель день рождения отмечает.

– А я-то тут при чем?

– Не будь занудой. – Она чуть ли не силой втащила меня в джип, хотя, если разобраться, откуда в этом тщедушном создании силы, так что, скорее всего, я не особенно сопротивлялась. – Отдохнешь, расслабишься. Поговорим хоть, мы ведь так давно не виделись.

– Присказка есть такая, – ухмыльнулась я, – триста лет не виделись, на х. я ж мы встретились.

– Ты что, за что-то на меня в обиде? – округлила глаза Варенька, уверенно вырливая на проезжую часть. – А за что? Постой, ты же была девушкой Коляна, да?

– Кто такой Колян? – нахмурилась я.

– Ну, значит, это была не ты, – облегченно вздохнула эта странная особа, – и это также означает, что я у тебя никого не уводила. А в чем тогда проблема-то?

– Ни в чем. – Я меланхолично смотрела в окно на то, как зазевавшиеся пассажиры в ужасе уворачиваются от Варенькиного джипа. Водила она по-хамски: неаккуратно и грубо. – Просто когда-то мы дружили, а потом ты меня бессовестно бросила. Между прочим, я читала психологическую книгу. Когда тебя бросает подруга, это еще хуже, чем когда тебя бросает мужик.

– Почему это? – машинально поинтересовалась она, глядя на меня, а вовсе не на несущуюся навстречу джипу дорогу.

– Все просто. Мужчина бросает тебя как эротический объект. Как правило. Это не так обидно, потому что эротика – понятие субъективное. А вот женщина, подруга, бросает тебя как личность.

– Ну ты загнула, – искренне удивилась она. – Я и не думала тебя бросать. Просто я же замуж вышла. Столько дел появилось.

Не к месту мне вспомнилось, как однажды я столкнулась с нею в «Калинке-Стокманн». Я пришла туда за уцененными блузами от Патриции Пепе, а Варенька лениво выгуливала в торговом центре кредитную карточку супруга. И вот я весело с ней поздоровалась и даже хотела посоветоваться, какую кофточку брать: коричневую или белую? Но осеклась, наткнувшись на ее надменный взгляд. А уж когда Варя, насмешливо улынувшись, сказала: «Знаешь, не бери ты это старье. Лучше сходи в секонд-хенд такой-то, я как раз позавчера туда много своих дизайнерских шмоток сдала. Там недорого, а вещи у меня что надо», – после этого мне и вовсе расхотелось с нею разговаривать.

– Понимаю, много дел. На что бы потратить деньги мужа и как бы убить время.

– Не только, – миролюбиво возразила она, – я же занималась ремонтом и планировкой сада, потом я поступила в университет, на второе высшее, правда, после первой же сессии меня выгнали, и я была не против... Зато теперь я развелась, и мы снова можем дружить!

– Развелась? – заинтересовалась я. – А почему?

– Потому, – лаконично и доходчиво объяснила Варя. – Значит, так. Решай скорее – или ты едешь со мной веселиться до упаду, пить шампанское и танцевать, или я высаживаю тебя у ближайшего метро, и как-нибудь потом созвонимся.

Думала я недолго. На одной чаше весов оказалось мое подозрительное отношение к похожей на грызуна Вареньке и легкое недоверие – а с чего она вообще вдруг так мною заинтересовалась? На другой – одинокий вечер в собственной неубранной квартире, по сто раз пересмотренные видеокассеты, оставшаяся с прошлого аналогичного вечера почти пустая бутылка сухого белого вина, заказанные по телефону суши... Это ли есть счастье быть одинокой, зато независимой?

– Ладно, – решила я, – едем в твой клуб.

– Ну и молодец! – обрадовалась Варенька. – Гарантирую, что ты не пожалеешь.

Остаток вечера, плавно перешедший в неприятно-влажную, холодную и сыкотную московскую ночь, запомнился мне смутно. Мы приехали в какой-то доселе мне неизвестный клуб, который надо было назвать «Пафос», потому что даже охранники и бармен щеголяли в ботинках «Прада». Вареньку встретили с распростертыми объятиями и сразу же препроводили за спрятанный в уютной нише столик, на котором зазывно дымился благоухающий яблочным табаком кальян.

Я заказала текилу и суши, но мне почему-то принесли сухое шампанское и икру на тарелочках, а когда я попробовала возмутиться, Варенька безапелляционным тоном поведала, что текилу пьют только матросы, а суши давно вышли из моды, и их теперь потребляет только рабочий класс в качестве кулинарного изыска.

Потом к нам подсели какие-то ее знакомые (вот уж кто и правда был похож на бандитов из сериала «Бригада»). Было их трое, и все они носили джинсы, ботинки из кожи питона, перстни с поблескивающими камнями. Один из них хозяйским жестом погладил Варю чуть пониже поясницы, и у нее был такой вид, словно она только что сорвала джемпот. Я же оказалась плотно зажатой между двух горилл, которые, не обращая на меня внимания, принялись переговариваться о том, что Куршевель нынче не тот, и «Версус» – это полное говно, а вот Гальяно – это да... Когда эта троица отправилась пописать, Варенька звенящим шепотом пояснила, что за ночь с одним из этих повернутых на собственной крутизне деградантов можно огрести как минимум полторы штуки долларов.

– Ты спишь с мужчинами за деньги? – удивилась я.

– Да нет! – возмутилась Варенька, а потом принялась мямлить что-то невразумительное про то, что в наше время полторы штуки – это не деньги, и вообще она не видит ничего такого в том, чтобы получить подарок от мужчины. – Так ты едешь?

– Куда? – Алкоголь медленно, но верно выветривался из моей головы, и я начинала понимать, что совершила ошибку, с ней связавшись.

– Как – куда? В пентхаус к Люсику.

– Меня туда вообще-то никто не звал.

– Да ладно! Люсик сказал, что у тебя попа, как у Дженнифер Лопес.

– Сомнительный комплимент, – усмехнулась я.

– Поехали, – подбадривала меня бывшая верная жена Варенька, – не пожалеешь.

Я поняла, что спорить с ней бесполезно, и сказала, что, разумеется, счастлива скрасить ночное одиночество Люсика и его друзей, вот только схожу подкрашу губы и сразу в – пент – мать его – хаус.

После чего, ободрительно улыбнувшись Вареньке, быстренько получила в гардеробе свое пальто и отправилась в клуб «Пропаганда». Домой не хотелось – мне срочно надо было согнать с себя этот мираж, сотканный из кислого шампанского и самовлюбленного Люсика.

Я выпила водки с лимоном и часов до четырех утра перетаптывалась на месте под фолк-эйсид-джаз.

А потом ко мне подвалило нечто патлатое, довольно неряшливое, к тому же лыка не вяжущее, и на полном серьезе попыталось представиться, что ему удалось только с третьего раза. Существо назвалось Павлом. Буква «п» была произнесена столь экспрессивно, что миллилитров пятьдесят его слюней перекечало на мой новенький (светло-бежевый, между прочим) пиджак.

В иной день я бы многословно послала его по известному адресу. Однако тот вечер был перенасыщен снобизмом, и я искренне обрадовалась появлению хоть кого-то, кто думает, что «Вдова Клико» – это эротический фильм Тинто Брасса, а «Пропаганда» – самый модный клуб в Москве. Все закончилось тем, что мы с Павлом этим приобрели в ночном супермаркете бутылку виски за семьсот семьдесят рублей (он сказал, что ему хочется шикануть, видимо, это и был самый шикарный поступок в его жизни) и отправились к нему, а жил он ни много ни мало в Чертанове.

Когда символ роскоши был нами ополовинен (на это ушло не больше сорока минут), он задрал мою блузку и попытался поцеловать меня в пупок. У меня и в мыслях не было оказывать ему сопротивление, все же ситуация была предсказуемая: полупьяная девушка в гостях у незнакомца. Однако тело мое само, видимо, знало, что ему нужно, и, вместо того чтобы поплыть по сладким волнам случайного пьяного секса, я стремглав понеслась в туалет, чтобы в унитаз изрыгнуть зловонные волны выпитого алкоголя. Тошнило меня долго и мучительно.

Когда я, умывшись и приняв контрастный душ, вырулила из ванной, Павел спал, подложив под голову пустую бутылку из-под виски.

Будить его я не стала.

Порылась в холодильнике, лениво сварила себе яйцо. Выпила кофе и отправилась на работу – времени заехать домой и переодеться уже не оставалось.

В очередной раз я мечтала начать новую жизнь с понедельника.

И в очередной раз жизнь моя привычно свернула в изъезженную колею.

Глава 2

Так уж сложилось исторически, что брюнетов я люблю больше, чем блондинов. (Хотя это ни в коем случае не значит, что светловолосый мужчина не может претендовать на мое внимание.)

Вот от кого я без ума: 1. Джордж Клуни!!! 2. Владимир Вдовиченков. 3. Антонио Бандерас. 4. Джонни Депп!!! 5. Дэвид Копперфилд??? 6. Редактор отдела культуры нашего журнала Боря Сыромятин.

И если с первыми пятью у меня, возможно, и есть шанс когда-нибудь вступить в близкие романтические отношения (хотя с Джонни Деппом я, пожалуй, согласилась бы и на кратковременную интимную связь), то шестой – это идеал высшей степени недостижимости. Пусть мы и трудимся в соседних кабинетах. Пусть мы и выпиваем вместе на корпоративных вечеринках. Пусть мы и случайно сталкиваемся почти каждый день на лестнице, и я влюбленно шепчу ему: «Здравствуйте!», а он рассеянно бубнит в ответ: «Ага».

Сыромятин – рослый брюнет, игнорирующий каноны моды, легко сочетающий кроссовки «Адидас» со строгим костюмом от Армани – является тем не менее самым стильным и самым эффектным из всех мужчин, встретившихся мне на жизненном пути.

Когда позавчера по редакции пронесся слухок, что, мол, Сыромятин ищет себе секретаршу-помощницу, поскольку рубрика его разрослась аж на три полосы, я готова была убить себя за то, что в свое время поступила на журфак, а не на секретарские курсы, и поэтому претендовать на данную должность не могу. А сегодня выяснилось, что секретаршу он все-таки себе нашел. И когда я секретаршу эту самую увидела, я была готова убить себя уже по другой причине, ведь она оказалась похожей на работницу подиума, а не на скромную офисную помощницу.

Она была, естественно, блондинкой. Рост – примерно метр восемьдесят (без каблуков), вес – не больше пятидесяти пяти килограммов, джинсы в обтяжку, плюшевая футболка, открывающая полоску впалого коричневого живота.

И *это* будет работать в нашей редакции, в непосредственной близости от меня?!

Это что же получается – выходит, отныне я больше не имею права явиться на работу с нематыми по причине тяжелейшего похмелья волосами, кое-как подведенными глазами и в мешковатых спортивных штанах?! Но это ведь самая настоящая дискриминация. Наверное, будь мы в Штатах, я бы вполне могла подать на нее в суд за красоту и выиграть иск.

И вот, пока я бродила по офису мрачнее тучи, печально рефлексирюя, эта так называемая Алла приветливо знакомилась с моими коллегами. Надо сказать, будь у нее целлюлит или косоглазие, у нее были бы все шансы мне понравиться, потому что держалась девица вполне мило.

Утешало хотя бы то, что, судя по всему, она была небольшого ума. Правда, на умственные данные обладательниц вот таких полтораметровых ног никто, как правило, не обращает внимания.

– Я вообще-то мечтала стать религиоведом, – вещала Алла, усаживаясь на краешек стола спортивного комментатора Леши (он был не против, хотя обычно относится к своему рабочему месту, как к драгоценному яйцу Фаберже), – но так сложилось, что в шестнадцать лет мне пришлось устроиться стриптизершей в один клуб. А потом меня заметили и пригласили работать в модельное агентство. И я могла бы стать звездой, честное слово, могла бы... Но я понимаю, что для работы манекенщицы я слишком сложна. Поэтому сейчас я собираюсь журналистикой заняться. А потом... Потом поеду в Тибет изучать неизвестные йоговские школы.

Моим инстинктивным желанием было зажать пальчиками уши, чтобы хоть как-то оградить себя от этих бредней. На мой взгляд, несостоявшийся религиовед Алла смотрелась жалко,

жалко, ЖАЛКО. Ну а ей, по всей видимости, было жалко как раз меня – во всяком случае, она как-то косо посматривала на облупившийся лак на моих ногах и на мои растоптанные боты (и угораздило же меня надеть их именно в тот день, когда в нашем офисе появилась эта мымра!).

К обеденному перерыву обитатели нашего офиса разделились на два воинственно настроенных лагеря. Одних новенькая Алла раздражала, другие были от нее без ума. Как вы понимаете, первые были женщинами (впрочем, к нам примкнул стилист Юрочка, но он голубой, так что это не считается), а вторые – мужчинами.

Первой не выдержала корректор Катя, которая тронула меня за рукав со словами:

– Настена, а пойдем-ка выпьем капучино и обсудим, какая эта новенькая Алла дурочка.

Предложение было принято мною с неподдельными восторгом, и мы отправились в редакционное кафе, где обе решили нарушить свои диетические принципы и не только пройти по пирожным, но и съесть по огромному куску торта «Тирамису» – в качестве моральной компенсации.

– Тебе ведь тоже Боря нравится? – вздохнула Катя, когда половина кофе была нами выпита, а все недостатки Аллочки выявлены и подробно обсуждены.

– Что значит «тоже»? – насторожилась я.

– Да ладно тебе. Это же ни для кого не секрет.

– В смысле? – У меня вдруг пропал аппетит и похолодели пальцы ног. Это что же получается, пока я скрытничая, боюсь лишний раз с ним заговорить и на черновых страничках рабочего ежедневника прикидываю, как смотрелось бы мое имя в сочетании с фамилией «Сыромятин», весь офис обсуждает все это за моей спиной?!

– В смысле, что Борька нравится всем женщинам от двенадцати до семидесяти лет, если они, конечно, не лесбиянки, не радикальные феминистки и не страстные поклонницы какого-нибудь Майкла Джексона.

У меня отлегло от сердца, и я с аппетитом впилась зубами в свежайшую венгерскую ватрушку. Эх, мне бы скинуть пару-тройку кэгэ, да разве же такое возможно, пока в редакционном кафе будет работать собственная пекарня?

– Значит, ты тоже стала жертвой его обаяния? – перевела стрелки я.

Катя мелко закивала, потому что ее рот был набит пережеванным пирожным «картошка».

– И что ты об этом думаешь? – понизив голос, спросила я. – Есть у этой Аллы какие-нибудь шансы?

Перед тем как ответить, Катя повертела головой по сторонам, чтобы убедиться, что где-нибудь на непочтительном расстоянии не устроились благодарные уши кого-нибудь из наших коллег.

– Теоретически, – наконец протянула она, прихлебывая кофе, – теоретически, конечно, есть. У нас в редакции до нее таких красоток не было.

Я возмущенно ахнула и уже собралась было вытащить из-за пазухи привычный женский аргумент, что мы, мол, с тобой не хуже, а вся ее красота – в косметичке и утягивающих трусах. Но потом вспомнила, что сама я после загульной ночи нездорово бледна и прилизана, к тому же на моем подбородке лампой Ильича сияет здоровенный прыщ, а у Кати помада вокруг губ размазалась, и вообще она выглядит так, словно не знает, что в косметичке каждой женщины должны находиться щипчики для бровей. Будь она мужчиной – за Брежнева бы сошла.

Пожалуй, она права.

Однако разве дело только в смазливом личике и соблазнительной попке? Когда мне было двадцать лет, я искренне верила, что красивым сопутствует счастье. В связи с этим я даже вставала в половине восьмого утра, чтобы накрасить глаза, как у модели с обложки журнала «Космополитен». Но сейчас, почти в тридцать, я наконец разобралась в природе истинных ценностей. Хотя Альбинка говорит, что это все из-за того, что мне теперь просто лень вставать в такую рань.

– С другой стороны, – болтая ногой, обутой в стоптанную «лодочку», сказала Катя, – сомневаюсь, что он вообще способен на серьезное чувство.

– Почему это? – Лично в моих глазах Борис Сыромятин выглядел самым что ни на есть романтическим героем.

– Говорят, у него был неудачный роман, – почти шепотом поведала она, – якобы несколько лет назад он без памяти влюбился в какую-то жутко богатую тетку. У них была головокружительная страсть, и он хотел на ней жениться, но у нее уже был какой-то там муж. В итоге она его бросила. И теперь он не может ни к кому относиться серьезно.

– Постой, но откуда тебе-то все это известно? – изумилась я. Надо же, я работаю в редакции полтора года и знаю о Сыромятине только то, что он пользуется туалетной водой «Кельвин Кляйн» и у него есть три пары красных кожаных кедров. А Катя здесь без году неделя – и поди же ты!

– А мне Люська рассказала.

– Какая еще Люська?

– Ну, ассистентка арт-директора. Такая белая, кудрявая. Она с ним спала.

Я поперхнулась остатками ватрушки. Люська была похожа на упитанную моль, которая сто лет меланхолично пожирала лисьи воротники в плотно запертом шкафу. И вот теперь ее выпустили на белый свет, к которому она никак не может адаптироваться.

– Люська?! Спала?! С Ним?! – взревела я. Меня уже не волновало, что нас могут услышать посторонние, среди которых вполне могла оказаться и сама Люська.

– А почему это тебя так удивляет? – пожала плечами Катя. – Да с ним почти все спали. И Наташа, Галина, которая занимается рекламой. И все девчонки-фоторедакторы. И даже Марианна Федоровна.

– Офигеть, – расстроилась я. – А ты?

С замиранием сердца ждала я ее ответа. И когда Катерина отрицательно помотала головой, я готова была броситься к ней на шею и задушить в пламенных объятиях – только за то, что ее угораздило не перепихнуться с мужчиной из моих самых горячих снов.

Но не успела я нарадоваться вдоволь, как Катя лениво добавила:

– Ты же меня знаешь, я не из таких. Пару раз он приглашал меня в кино, конечно. Потом мы ужинали, а потом он пытался затащить меня в свою берлогу, но я всякий раз думала: «А зачем мне это надо?» К тому же он все время норовил меня Надей назвать.

«Чтоб тебя все твои мужики в самый ответственный момент называли Надей, – злобно подумала я, – а еще лучше – какой-нибудь Агриппиной!»

Позитивный момент: никто не может заменить Сыромятину роковой возлюбленной. Никто, кроме, возможно, меня. Ну конечно, зачем ему нужны все эти швабры с наращенными волосами, все эти млеющие при его приближении фоторедакторы, когда в соседнем кабинете есть такой нетронутый аленький цветочек, как я (хотя нетронута я, пожалуй, лишь здоровым загаром, а единственное, что у меня есть аленького, – это вышеописанный воспаленный прыщ).

Негативный момент: если он успел слиться в экстазе со всей женской половиной нашей редакции, то какого хрена он до сих пор даже не запомнил, как зовут *меня*?!

Они сидели за крошечным столиком итальянской кондитерской, ловко укрывшейся от посторонних глаз в узком переулочке близ Маросейки. Головокружительно пахло кофе, шоколадом и пряностями.

Женщина нервно болтала ложечкой в чашке с южноафриканским напитком «Ротбуш». Мужчина вяло ковырял вишневый штрудель и постреливал глазами по сторонам. За соседним столиком две молоденькие студентки вполголоса обсуждали что-то девчоночье-секретное, время от времени взрывая кофейную тишину звонким хохотом.

Мужчина не мог оторвать взгляд от коленок одной из них.

Не то чтобы он был падок на остроугольную нимфеточную красоту, просто у девчонки была уж слишком короткая юбка и слишком уж задорно болтала она ногой – это завораживало.

Его спутницу явно раздражал его повышенный интерес к чужим нижним конечностям. Тем более что на ней была не менее короткая юбка.

– У тебя все получится. – Она накрыла ладонью его руку, и он тут же оторвал взгляд от пресловутой коленки и уставился на нее. – Просто делай, как я скажу.

– У меня нет опыта.

– Профессионалами не рождаются, – сухо улыбнулась она, – зато у меня есть информация и связи. На моих глазах многие раскручивались, я знаю схему.

– Но...

– Ты же не хочешь до конца жизни носить эти отвратные кеды? – Презрительно сморщив нос, она кинула взгляд на его «конверсы».

Мужчина насупился – это были его любимые кроссовки, из последней коллекции, на которые ушла четверть его зарплаты. Самое обидное, что самому ему было, по большому счету, наплевать на содержимое собственного гардероба. Как и многие мужчины, он определял пригодность той или иной вещи к носке элементарной меркой удобства, чистоты и выглаженности. А вовсе не модными тенденциями. Он старался для нее.

– Ты же хочешь прилично заработать, – она разговаривала с ним настойчиво и ласково, как с маленьким ребенком, – хочешь купить квартиру, да? Чтобы мы жили вместе.

– Хочу, – вздохнул он, – хотя ты могла бы и сейчас переехать ко мне.

– Но я не хочу жить в Чертанове, – мягко улыбнулась она, – я хочу жить в Камергерском или на Садовой-Спасской. В большой кондиционированной квартире с антикварной мебелью и штатом прислуги.

Мужчина криво усмехнулся – запросы его спутницы не имели ничего общего с действительностью.

– В любом случае деньги будут не сразу, – сказал он.

– Но и ждать тысячу лет тебе не придется. Это же не начало девяностых, когда на раскрутку звезды требовалось жизнь положить. Сейчас это элементарно, Ватсон. С нужным человеком я тебя уже познакомила. Она работающая девочка, перспективная. Тебе и делать ничего не придется, только взять в банке небольшой кредит. Остальное оплатит ее папочка, который тоже заинтересован в том, чтобы его талантливая дочурка прославилась. У тебя будет с ней эксклюзивный контракт. Ты будешь получать стабильный процент девчонкиных гонораров, а потом возьмешь себе еще подопечных. Если ты будешь слушаться меня, то года через три-четыре станешь большой шишкой в мире шоу-бизнеса.

Он вздохнул – по ее словам, все было проще простого.

– А ты не заметила... Не заметила, как она на меня смотрела?

– Конечно, заметила, я же не слепая, – улыбнулась она. – Смотрела, как кот на сметану. Ну и что? Девочка симпатичная, разве тебе будет противно?

– Ну как ты можешь так говорить? А тебе самой разве все равно? Ты не ревнуешь?

– Ревную, – согласилась она, продолжая улыбаться, – но у нас нет другого выхода. Если мы хотим добиться всего, что запланировали, надо принять правила игры. К тому же... Я же знаю, что ты меня любишь. Ты ведь меня любишь, так?

– Люблю, – эхом повторил он.

У каждой уважающей себя красавицы должен быть безнадежно влюбленный в нее воздыхатель. Нервно краснеющий при ее появлении тип, который обрывает ее телефон, шлет сотни эсмэсок в день, изредка дарит розы и готов по первому зову примчаться с другого конца Москвы, но которому в то же время ничего не светит.

У меня такой есть.

Зовут его Геннадием, и когда-то мы вместе учились на журфаке (в то время он тоже был в меня влюблен, хотя для прикрытия и встречался с моей подружкой Леной). Генку я всегда считала таким бесполом существом, с которым запросто можно обсудить хоть очередное романтическое приключение, хоть сбой менструального цикла.

Долгое время такое отношение если и не раздражало Генку, то по крайней мере приводило его в некоторый ступор. Он как будто бы нормально воспринимал мое ненавязчивое панибратство – а я ведь, нисколько не щадя его чувств, в подробностях рассказывала ему обо всех своих новых мужчинах. Я считаю так – если уж человек претендует на то, чтобы называться другом, то и дружить с ним надо по полной программе, без недомолвок. В противном случае есть риск быть справедливо обвиненной в злостном запудривании мозгов.

Иногда с Генкой происходит что-то непонятное. Беспричинное возрождение давно усопших чувств. Вот тогда от него лучше держаться подальше – иначе он замучает телефонными звонками среди ночи, недвусмысленными намеками или даже пылкими признаниями.

Если честно, мне его даже немного жаль.

Татьяна и Аля говорят, что я садистка и что мне давно пора вообще перестать с ним общаться, мол, чтобы не мучить мужика. Но если честно, я уже не представляю своей жизни без Геннадия. Наверное, это свидетельствует о мелочности и эгоистичности моей натуры.

Больше всего я нуждаюсь в его обществе, когда мне плохо. Когда меня мучают непонятно откуда взявшиеся комплексы.

Вот как вчера, например.

Я урод.

Это откровение снизошло на меня, когда я случайно наткнулась взглядом на свое отражение в зеркальной витрине бутика, мимо которого шла. Я даже не сразу поняла, что растрепанная тетка с осыпавшейся тушью – это и есть я. А когда осознала, остановилась как вкопанная и чуть не зарыдала от горького отчаяния.

А ведь путь мой лежал именно в тот самый бутик, где я собиралась приобрести вязаное платье, замеченное накануне. Но разве какое-то платье (пусть и за триста долларов) сможет украсить такое никчемное существо, как эта блеклая спаржа в зеркале? Так зачем же тратить деньги – деньги, которые можно со вкусом пропить в ближайшем баре?! Ведь алкоголь помогает уйти от суровой действительности (по крайней мере, так утверждают в свое оправдание выпивохи со стажем, к лагерю которых мне, кажется, скоро придется примкнуть).

Вместо того чтобы зайти в бутик, я остановила попутку и отправилась в Гольяново, где жил Генка.

Я часто приезжаю к нему просто так, наудачу, безо всяких предварительных звонков. И иногда мне кажется, что он нарочно не выходит из дома, чтобы случайно не пропустить такой вот мой спонтанный визит. Во всяком случае, не было еще такого, чтобы я приехала, а его в квартире не оказалось.

– Настена, какими судьбами? – Его широкая физиономия расплылась в улыбке.

У Геннадия странная внешность. Сквозь классическую блондинисто-сероглазую средне-европейскую расцветку явственно проступают монголоидные черты. У него широкие скулы, маленький нос (мне бы такой вместо моего руля велосипедного) и необычный разрез глаз. Я знаю как минимум трех девушек, которые считают Генку красавцем-мужчиной, а меня, соответственно, неисправимой сукой, которая, словно собака на сене, нагло держит его при себе.

– Помощь нужна. – Я ввалилась в прихожую, со стуком скинула любимые свои замшевые сапоги, швырнула куртку прямо на пол и устремила в комнату.

Геннадий еле за мною поспевал.

Тому, кто говорит, что мужчины – большие неряхи, чем женщины, не верьте. В качестве основного аргумента могу сводить вас на экскурсию в две типовые московские квартирки – свою и Генкину.

В моей царит полный бедлам – пыль на всех возможных поверхностях, разбросанные повсюду вещи, пятна от кофе на столе, труп кактуса на подоконнике, в треснувшем горшке. В квартире своей я живу уже почти два с половиной года и за это время, каюсь, ни разу не удосужилась помыть окна.

Иное дело – холостяцкая, казалось бы, берложка Геннадия. Вообще-то это помещение больше смахивает на жилище сентиментальной пенсионерки – линолеум всегда влажно блестит, занавески свежеевыстираны, нигде ни пылинки, повсюду расставлены трогательные сувениры, которые Генка привозит из загранкомандировок.

– Что-то случилось? – заволновался он. – Будешь блины?

– На оба вопроса – «да»! – Я плюхнулась в кресло и поджала под себя ноги. – А с чем блинчики?

– Есть с абрикосовым вареньем, а есть с курицей и луком, – машинально ответил он.

Совсем забыла упомянуть, что, помимо всего прочего, Геннадий еще и знатный кулинар.

– Погоди, а что произошло-то? На тебе лица нет!

– Ничего особенного, – скорбно заметила я, – просто я урод.

– Ты – кто? – недоверчиво хохотнул Генка.

– Урод, – повторила я погромче. – Я только что это поняла. Таким, как я, надо ходить в парандже и отовариваться в ночных супермаркетах, чтобы не шокировать граждан своим внешним видом.

– А кто тебе это сказал, если не секрет? – поинтересовался Геннадий, усаживаясь на корточки передо мною и заглядывая мне в глаза.

– Зеркало, – развела руками я. – У меня есть одна подружка, которая сделала несколько пластических операций. Хочу ей вечером позвонить. Пусть и мне телефончик своего доктора даст.

Генка изменился в лице:

– Ты что, совсем сдурела, что ли?! Какая пластическая операция! Не разрешаю, не дам!

«А кто тебя будет спрашивать в случае чего?» – подумала я, но, чтобы не обижать главного своего утешителя, озвучивать свою мысль не стала.

– Ты же у меня красавица!

Я откинулась на спинку кресла, расслабилась и приготовилась слушать. Я знала, что именно Генка будет говорить, и от этой приятной предсказуемости на душе становилось тепло, как будто бы я только что от души поела бабушкиных пирожков. Он утешал меня с таким озабоченным лицом, будто бы мы находились на пороге операционной и оплаченный уже хирург нетерпеливо постукивал указательным пальчиком по часам, собираясь сделать из моей ничемной физиономии точеное личико Вивьен Ли.

А Генка все говорил и говорил. Говорил, что я самая красивая женщина, которую ему доводилось встречать. Что когда он меня впервые увидел, то просто ошеломлен и чуть не ослеп от такого совершенства (тут он, конечно, загнул, но слышать это все равно было приятно), что во мне погибла великая фотомодель и что, если бы я в один прекрасный день набралась смелости появиться на пороге агентства «Элит», то Клаудиа Шиффер в ту же секунду сдохла бы от зависти.

Его восхищенная болтовня действовала на меня умиротворяюще. Вскоре я поняла, что глаза мои закрываются, а уютный запах блинов действует усыпляюще на мой ослабленный стрессом организм. Я попросила Генку на полчаса оставить меня в покое. Он даже не обиделся, поскольку к моим выходкам давно привык. Послушно отправился на кухню и загремел кастрюлями.

А я закрыла глаза, укутала ноги плетеным старым пледом и действительно ненадолго задремала.

Снился мне редактор отдела культуры Борис Сыромятин – в моем сладком спокойном сне он был загорелым, в меру мускулистым и почему-то носил очки.

Не могу сказать наверняка, верю ли я в то, что моя подруга Альбина и впрямь когда-нибудь станет знаменитой певицей, или все-таки нет. Положа руку на сердце, скорее нет, чем да. Хотя я ничего не имела бы против. Просто я (в отличие от той же Альбинки) смотрю на жизнь не сквозь толстые стекла розовых очков, а с циничной ухмылочкой человека, которого не проведешь на мякине. Так вот, согласно теории вероятностей шансов пробиться на большую сцену у Али нет никаких.

Во-первых, слишком уж много у нее конкурентов. Во-вторых, Альбинка мечтает петь рок и брезгливо морщит нос, едва услышав попсово-сиропный мотивчик (именно поэтому ее так быстро и убрали с «Конвейера талантов», ну не в моде нынче женский рок, что ж тут поделаешь!). В-третьих, несмотря на то что мужики вслед Альбинке шею сворачивают, абсолютной красавицей ее не назовешь. Я бы сказала даже так: Алька довольно красива, но не очень фотогенична. Фотоаппарат и камера убивают добрую половину ее природного обаяния. В-четвертых (и это самое главное), за ней никто не стоит. А ведь волосатая лапа какого-нибудь предприимчивого «туза» могла бы перебить отсутствие прочих козырей. Но «туз» у нее вряд ли появится – Альбина у нас девушка романтическая и верит в большую и светлую любовь.

Поэтому, когда среди недели она срывающимся от нетерпения голосом пригласила меня на внеплановое распитие зеленого чая с пирожными в кофейню «Аристократъ» и проанонсировала, что речь пойдет о ее карьере, я была более чем удивлена.

И даже ради такого случая отменила заранее запланированный сеанс у косметолога. Дружба дороже. А свежая сплетня от лучшей подружки – тем более.

Альбина удивила меня, даже не успев со мной заговорить. Своим внешним видом – она светилась так, словно кто-то зажег внутри ее многоваттный софит. К тому же Алька так вырядилась, словно ей предстоял не кофе с подружкой, а свидание всей жизни. На ней была алая юбка с неровными краями, черная блуза цыганского фасона и с десяток позвякивающих бус. Я даже немного разозлилась: почему она меня-то не предупредила о том, что планируется маскарад? Я в таком случае тоже принарядилась бы (благо шкаф мой забит тряпьем, ведь большую часть зарплаты я спускаю именно в модных магазинах).

На ее фоне я, в своих черных джинсиках и неглаженной белой рубашке, смотрелась провинциальной Золушкой.

– Настыка! – Она подпрыгнула на стуле, как будто бы получила мощный электрический заряд в обе ягодицы разом. – Опять ты опаздываешь! Я уже сгораю от нетерпения! Так хочется тебе рассказать!

Я чинно уселась напротив нее и, даже не заглядывая в меню, попросила официанта принести кофе и блинчики с клубникой. Как некрасивая подруга, как дуэнья-замарашка при прекрасной принцессе, я вполне имела право на разовое обжорство без тяжелых последствий в виде угрызений своей скандальной совести.

– Ну, что там у тебя случилось? Судя по твоему виду, ты как минимум будешь представлять Россию на «Евровидении».

– Лучше! – выдохнула Аля. – Настюха, а у меня теперь продюсер собственный есть. Я вчера подписала контракт!

– Да ну? И кто он, Игорь Матвиенко?

– Лучше, – мечтательно протянула Аля, – он самый лучший мужчина в мире.

– Так, я чего-то не поняла, – насторожилась я, – кого ты нашла – продюсера или мужика?

– И того и другого, – объяснила Альбинка, – в одном лице.

– С этого места поподробнее, пожалуйста, – вздохнула я, предвкушая двухчасовую душещипательную (хотя и довольно утомительную) беседу в жанре восторженного монолога.

И Алька начала рассказывать. И по мере того, как ее драматическая история набирала обороты, я все больше скучнела, чувствуя себя немного ущербной из-за того, что вокруг бурлит по-киношному красивая жизнь, а в моем депрессивном мирке так отчаянно не хватает романтики.

Вот какую информацию мне в итоге удалось извлечь из ее сдобренного ахами и охами потока сознания.

Минувший четверг обещал быть настолько скучным, что Альбина согласилась на приглашение посетить именины бывшей приятельницы по «Конвейеру талантов». Хотя зачем ее позвали, она так и не поняла – близко с той девицей она никогда не дружила, более того, из-за похожести образа их даже кое-кто считал соперницами. Девушки, конечно, это с фальшивыми улыбками отрицали, но каждая в глубине души была на все сто процентов уверена, что уж она-то куда красивее и перспективнее другой. Однако на съемочной площадке «Конвейера» они несколько раз довольно крупно поцапались, попав тем самым под пристальное внимание телекамер. Что интересно, обе они в итоге остались у разбитого корыта – потому что Альбинку убрали с реалити-шоу в первом же туре, а ту девушку – во втором. Но это все предыстория.

И вот расфуфыренная Аля в обтягивающем комбинезоне на голое тело и в норковой шубке до пят (в таком виде она смахивает на содержанку нефтяного магната, и никому, кроме нас с Татьяной, не известно, что на шубейку она откладывала деньги четыре с половиной года) появляется в супермодном кафе с огромным букетом лилий, который еще больше подчеркивает эффектность дарительницы. У всех присутствующих при Алькином появлении тотчас же отвисают челюсти, именинница с кривой улыбкой принимает цветы, а сама втайне сожалеет не только о том, что ее угораздило позвать на собственный праздник Альбину, но и о том, что последняя вообще появилась на свет.

Отец именинницы, крупный сибирский предприниматель, не поскупился и устроил праздник по полной программе – над музыкой колдовал специально выписанный из Лондона диджей, среди гостей то тут, то там мелькали рожи большей и меньшей степени известности, на торте жирными взбитыми сливками было выведено слово «звезда», а вел торжество известный телевизионный конференсье. Альбина только диву давалась – как же людям не жаль тратить такие бабки на обычный вечер, воспоминания о котором через пару месяцев утонут в полноводной реке прочих жизненных впечатлений. Да на эти деньги можно было записать песню, снять клип и оплатить его жесткую ротацию на любом музыкальном канале!

Хотя одно другого не исключает. Наверняка этой мымре, которая сейчас веселится, как щенок, жрет с помощью огромной ложки свой жирный торт и принимает дорогие подарки от гостей, – наверняка этой жабе толстомясой и клип тоже скоро снимут. Вот ведь какая несправедливость! Она, жаба эта, конечно, довольно смазливая, но петь-то, петь не умеет совсем! Зато за ее спиной маячит денежный папаша, готовый в нужный момент с лихвой оплатить счастье единственной доченьки. Причем, если бы за жабу платил не родной отец, а, скажем, богатый любовник (как это в большинстве случаев и бывает), все было бы не так обидно – Аля исподтишка рассматривала бы коротенькую шею или пивное брюшко спонсора и зло-радно представляла бы постельные сценки с его и жабиным участием. А так ей ведь даже спать ни с кем не приходится, удача сама плывет в ее униженные дорогими колечками загребуемые ручонки.

Впрочем, это было не ее, не Альбино, дело, так что вскоре она прогнала прочь свои неприятные философские размышления с помощью пары бокалов шампанского брют.

И тут начинается самое интересное. Суматоха в толпе, ахи и вздохи, именинница чуть ли не в обмороке – по всем этим признакам Аля понимает, что прибыл особо важный гость.

– Идем, я тебя представлю своему жениху, – потупив облагороженные зелеными контактными линзами глазки, говорит Альбине наивная именинница.

И подводит ее к такому роскошному мужику, каких ей до этого самого момента и видеть-то не приходилось, не то чтобы о них мечтать.

Мало того что этот экземпляр был красив, как Брэд Питт, так вокруг него еще и чувствовалась особенная аура мужественности, и, учуяв этот неслышимый сигнал, все присутствующие в зале женщины устремились к красавцу, как мухи к тазу со свежесваренным клубничным вареньем!

А буквально через несколько минут выяснилось, что таинственный рыцарь еще и образован, начитан и крайне приятен в общении.

– Это Григорий, мой жених, – объявила сияющая от гордости именинница.

Альбину передернуло – жаба хвасталась своим мужчиной, как будто бы тот был не живым человеком, а новым, специально сшитым для нее нарядом.

– И у нас есть небольшое объявление.

Ну вот, подумала Альбина. Сейчас они обнародуют дату свадьбы и пригласят всех присутствующих на торжество, и совсем не потому, что и в самом деле хотят всех их видеть в столь ответственный день, а потому что им нравится замечать зависть в глазах окружающих. Взорвется очередная стодолларовая бутылка шампанского, и праздник будет испорчен окончательно. А потом Аля вернется домой, скинет туфли на шпильках с измученных неудобной обувкой ног, аккуратно обернет полиэтиленом свою выстрадавшую норковую шубенцию и подумает о том, что у девушки, чей папа работает простым школьным завучем, почти нет шансов на социальный успех. Если только эта самая девушка не подсуется и вовремя под кого надо не ляжет, что тоже весьма проблематично, потому что «те, кто надо» нынче слишком уж разборчивые.

Но выяснилось, что сладкая парочка желает оповестить общественность о другом.

– Мы с Григорием не только любим друг друга, но и собираемся стать... деловыми партнерами, – застенчиво объявила жаба.

– Какими? Половыми? – уточнила у кого-то Аля, за что была награждена ледяным молчанием, которому предшествовал недовольный презрительный взгляд.

Счастливая невеста тем временем продолжала хвалиться своими достижениями:

– Как вы знаете, я певица...

(В этом месте Аля фыркнула, нечаянно забрызгав элитным шампанским белое платье впереди стоящей девушки.)

– А Григорий, по случайному совпадению, бизнесмен, который желает заняться музыкальным продюсированием.

«Ну да, действительно, по чистой случайности, – подумала Альбина, попутно запихивая в рот целую пригоршню прихваченных с фуршетного стола креветок. – Да я ручаться готова, что твой папаша вас специально для этого и свел! Да я не удивлюсь, если он еще и приплатил твоему продюсеру, чтобы тот согласился улаживать такую жабу, как ты! Черт, какая же я все-таки недобрая!»

– И вот на этой неделе мы наконец пришли к соглашению, которое изменит всю мою жизнь. – Невеста промокнула краешек абсолютно сухого глаза бумажным платком.

(И надо же было именно в этот момент взгляду Альбины встретиться со взглядом этого Григория!)

– Изменит всю мою жизнь... – с придыханием вещала жаба.

Она еще и знать не могла, что на самом деле в тот момент изменилась вовсе не ее жизнь, а жизнь, ни много ни мало, Альбины.

В тот момент, когда Аля мне все это рассказывала, она была похожа не на простую смертную, не на полуживую от стресса муху, трепыхающуюся в паутине бытовых проблем, а

на фею из фильма в жанре фэнтези. Ее глаза сияли, как будто бы Аля в них накапала белладонны, и лихорадочный румянец на щеках упрямо пробивался сквозь незаметную человеческому глазу толщу аристократически-беловатого тонального крема.

– Настька, он *так* на меня посмотрел! На меня так никто и никогда не смотрел, – шептала она.

А я гадала, что же означает это загадочное «так», потому что в данный момент половина присутствующих в кофейне «Аристократъ» мужчин пялилась на одухотворенное Альбино лицо с восхищением истинных ценителей искусства. Если она не замечает таких вот пылких взглядов, то как же смотрел на нее этот роковой Григорий?

– Как электрический ток, как шаровая молния, – бормотала Аля. – Я сразу поняла, что у нас с ним будет нечто особенное. Не просто флирт, не просто секс и даже не тривиальный затяжной романчик. О-со-бен-но-е! Понимаешь?

– Не понимаю, – честно призналась я. – Он же вроде как будущий муж твоей подруги.

– Да какая она мне подруга, жаба эта, – досадливо поморщилась Альбина, – мы всегда друг друга недолюбливали. Ума не приложу, зачем она вообще меня туда позвала. Наверное, просто покрасоваться хотела.

– Ну и покрасовалась, видимо, – с кривой ухмылкой подытожила я, – раз ты несколько суток спустя звонишь мне и объявляешь, что у тебя появился продюсер.

Альбина попыталась выдать смущенную улыбку, намекающую на наличие совести, но ничего у нее не получилось. Она сияла, как начищенная песком сковородка, и ничего поделать с этим не могла.

– Ну да. Он сам ко мне подошел, мы обменялись телефонами. Я думала, что мы потом созвонимся и все будет как у людей, но... Короче, Настька, мы занимались *этим* прямо в гардеробе.

Она выглядела как ребенок-диатезник, который тайком от родителей ухитрился слопать килограмм шоколадных конфет, и вот теперь, когда уже ничего нельзя поделать, делится впечатлениями.

Я уточнила:

– Под «этим» ты, видимо, подразумеваешь секс?

– Нет, распевание романсов, – съязвила она. – Конечно, секс! Хотя нет, это был не просто секс... Это была любовь!

– Ну ты даешь, – протянула я, – ты хочешь сказать, что соблазнила мужика прямо на глазах у его невесты, да еще и умудрилась в него влюбиться, и теперь у вас роман?

– И не просто роман, – заявила эта сумасшедшая. – Вчера я подписала с его продюсерским центром контракт! Мы будем вместе работать.

– А эта... Как ты там ее называешь... жаба?

– Ее побоку, – махнула рукой Аля, – да что ей сделается, ей папаша еще десяток продюсеров организует. По оптовой цене!

Мне даже как-то не по себе стало, ведь Альбине всего двадцать два года. Какой я была в двадцать два? Почему-то сейчас мне кажется, что это было жутко давно, еще в эпоху палеолита. Кажется, я накручивала челку на бигуди, стеснялась лишнего веса, подрабатывала курьером и мечтала о том, что когда-нибудь моя грудь, возможно, подрастет размера на полтора, и тогда у меня будет откровенное красное платье, которое я стану носить с темными очками, как блондинка из рекламного ролика мартини.

Зимой я каждую субботу ходила с однокурсниками на каток. Летом любила играть в парке в бадминтон. Конечно, идиллией моя юность не была – например, однажды меня поймали с косячком на заднем дворе университета, а еще один раз я выпила полбутылки портвейна прямо перед зачетом по античной литературе и, вместо того чтобы нараспев читать Гомера, блевала в туалетной кабинке, а подружка Лена услужливо поддерживала мои волосы. Еще у

меня был пейджер, и мне казалось, что, когда он пиликает, все смотрят на меня с нескрываемым уважением. Тайком из телефона-автомата я отправляла себе сообщения с интервалом в пятнадцать минут, а потом садилась в журфаковскую библиотеку и пожинала лавры. Еще я была влюблена в аспиранта, который одно время вел у нас философию. И один раз написала ему любовное письмо, прочитав которое он покраснел, снял очки и долго всматривался в лица присутствующих, но так ничего и не сказал.

Мне нравились Мэл Гибсон, Дмитрий Харатьян, Джонни Ли Миллер и четверо однокурсников. Я два раза ходила к гадалке на предмет привораживания вышеупомянутого аспиранта, один раз пыталась свести счеты с жизнью, напившись успокоительных таблеток, четыре раза давала обет молчания и раз сто пятьдесят по ничтожным поводам ссорилась с Танькой, которая уже тогда была моей лучшей подружкой.

Я была какой угодно – наивной, инфантильной, иногда немного ленивой, готовой к приключениям, но вот такой циничной я уж точно не была никогда.

Что же будет с нашей Алькой в тридцать, если уже сейчас она как ни в чем не бывало уединяется с чужими женихами в гардеробной на предмет сексуальных утех?

Конечно, ничего этого я ей говорить не стала. Она бы просто не поняла, если б лучшая подруга затеяла с ней игру в строгого воспитателя и непонятливого малыша.

– Хочешь сказать, что она отреагировала спокойно?

– Ну так... – неопределенно протянула Алька, из чего я сделала вывод, что брошенная невеста закатила ей грандиозный скандал, – вообще-то... Вообще-то она попыталась вцепиться мне в волосы. И рыдала... Короче, это был кошмар.

– Все-таки у нее был день рождения...

– Чего-то я не понимаю, ты что, ее защищаешь? – округлила глаза Альбина. – А ты не забыла, что это я твоя подруга, а не она?

– И что же ты, подруга, теперь собираешься делать?

– Как что? – Она пожала плечами, как будто бы на этот счет не могло быть двух мнений. Во-первых, Григорий сейчас занимается покупкой песен для моего сольного альбома. Придется много работать. А я пока буду брать уроки танцев и ходить на курсы английского. А во-вторых, я в лепешку разобьюсь, но женю его на себе.

– С ума сошла, что ли? – Я поперхнулась блином. – Еще пару недель назад ты пела о том, что вообще не собираешься под венец, по крайней мере до тех пор, пока тебе не исполнится тридцать!

– Так пару недель назад я еще и с Гришей знакома не была, – расхохоталась эта бестия.

Что мне оставалось делать в этой ситуации, кроме как заказать еще одну порцию блинов, на этот раз с двойной сгущенкой, и мрачно сжевать ее под Алькин щебет о том, как счастлива она будет с нагло уведенным у подруги женихом?!

Студенческий ночной клуб «Вермель» был менее всего приспособлен для бесед делового характера. Накачанная дешевым разливным пивом молодежь локтями расталкивала друг друга, чтобы пробиться поближе к будке диджея, который упорно ставил хит «Белые розы» уже третий раз подряд.

Мужчина удивился, когда его спутница назначила ему свидание именно здесь. Обычно она предпочитала заведения куда более пафосные. А запах пива она и вовсе не выносила, брезгливо называя его плебейским пойлом. Когда он поинтересовался, чем обусловлен ее столь странный выбор, она лишь поджала губы. У нее было плохое настроение, и он знал почему.

– Мне хочется окунуться в это дерьмо с головой, – перекрикивая гремющую музыку, сказала она, – чем хуже будет антураж, тем комфортнее я буду себя чувствовать.

– Прости меня, – только и смог выдавить он.

– И это все, что ты можешь сказать? Я столько дней потратила, чтобы выбить для тебя эту сделку, а ты берешь и все портишь из-за какой-то рыжей дуры!

– Она тоже могла бы стать звездой, – неуверенно сказал он, – она ничем не хуже, чем та, которую сосватала мне ты. Тоже участвовала в этой дурацкой передаче, тоже рвется вперед.

– Если не брать в расчет тот факт, что она голодранка. У нее нет влиятельного отца, который смог бы нам помочь.

– Зато у нее есть голос! Ты слышала, как она поет?

– И слышать не хочу, – скривилась женщина, – голос в России никому не нужен. Все поют под «фанеру». А в студии можно из какого угодно голоса «вытянуть» приличное звучание.

– Но в ее случае и вытягивать ничего не надо. Она настоящий самородок. Я считаю, что нам с нею просто повезло. А та... Ты прости, ну не смог бы я с ней.

– Это почему же, интересно мне знать? – прищурилась она. – Красивая ведь девчонка, холеная! Да любой нормальный мужик был бы с ней рад! А ты не смог.

– Ну прости, – опустил глаза он, – не знаю... Женщинам такое не понять. Она какая-то противная. Хотя даже не могу объяснить, что с ней не так. Зато та, другая, меня по-настоящему вдохновила. Я загорелся работать, теперь у меня и у самого есть план!

– Ну-ну, – недоверчиво хмыкнула она.

– Я уже арендовал студию и подготовил со знакомым юристом контракт.

– А где ты собираешься брать денег на то, чтобы поставить ее клипы в ротацию? И на то, чтобы эти клипы были приличными? Ты знаешь, сколько стоит один съемочный день, например Грымова?

– Пока и знать не хочу, – твердо сказал он, – сейчас буду заниматься репертуаром и репетициями. Потом устрою девочке пару концертов. У меня много знакомых в ночных клубах.

– Я надеюсь, ты в нее не влюбился? – спросила женщина, глядя в сторону.

Она делала вид, что ей безразличен его ответ, каким бы он ни был. Но по ее напряженным плечам он понял, что это не так.

И тогда он обнял эти плечи, притянул ее к себе и прошептал ей в висок:

– Конечно нет, дурочка. Ты же знаешь, что я люблю только тебя.

Глава 3

Вечером, почувствовав в своем настроении тонкие депрессивные нотки, я позвонила Татьяне. Как-то так вышло, что к Але мы с Татьяной относимся немного снисходительно. Все же между нами возрастная пропасть в целых восемь лет. Восемь лет непрерывного поиска приключений на собственную филейную часть – это для женщины ох как много. Поэтому мы всегда не прочь за глаза обсудить Алину жизнь, и эти разговоры, как правило, проходят под девизом «О времена, о нравы!»

Как выяснилось, позвонила я не вовремя – по ее кокетливому утробному похихатыванию я сделала вывод, что либо я потревожила ее в самый разгар обещающего быть страстным свидания, либо Танька просто-напросто пребывает в самой веселой стадии легкого алкогольного опьянения.

– Настюха! – рассмеялась она. – Ты знаешь, что жизнь хороша?!

– Догадываюсь, – осторожно согласилась я, одной рукой прижимая телефонную трубку к уху, а другой пытаюсь выдавить уже доставший меня прыщ.

– Так что ты позвони мне завтра, и мы это подробно обсудим!

– Постой, постой. Как это завтра? Ты что, не одна?

– Одна, не одна, какая, на фиг, разница, – веселилась Танька, – вчера одна, сегодня не одна уже. Ты же знаешь, как это у нас, свободных девушек, обычно бывает!

Кажется, я права на все сто и даже двести процентов – поскольку Танька и пьяна, и находится в обществе очередного претендента на ее интимные ласки.

– А я хотела об Альбине поговорить, – разочарованно протянула я, уже понимая, что беседы в жанре оживленной сплетни не получится.

– А, ты об этом ее Гришке, что ли?

– Ты уже знаешь? – поразила я. – А я-то думала, что она мне первой сказала.

– Да нет, Алька всегда сначала ко мне со своими проблемами бежит, – немного самодовольно заметила Танька, как будто бы Альбина была не нашей общей подружкой, а мужиком, на которого мы обе навесили несмыслимый ярлык «лакомый кусочек».

– И что ты обо всем этом думаешь? – осторожно поинтересовалась я.

– Я так за нее рада, – разочаровала меня накачанная каким-то веселящим пойлом подруга. – Алька ведь – это совсем не то, что мы с тобой.

– В смысле?

– Алька – романтическая барышня. Ей замуж надо, а не с нами гулять, – нравоучительно сказала Татьяна и, понизив голос, добавила: – Настена, я с таким мужиком познакомилась вчера! Мне кажется, что я скоро тоже перейду в другой лагерь!

– Что ты имеешь в виду? – В военной терминологии я была не сильна.

– Ну мы сейчас находимся в лагере девушек, пытающихся устроить свое моральное и материальное счастье с помощью мужчин, так?

– Материальное – это больше по твоей части.

– Да ладно, – хихикнула Татьяна, – просто я в этом смысле более конкретна. Уверена, что ты бы тоже была не прочь сесть к кому-нибудь на шею.

– Вообще-то...

– Но сейчас речь идет не об этом, – перебила она. – Понимаешь, я впервые в жизни увидела мужика, ради которого я согласна перебежать в лагерь домашних куриц!

Я представила, как Татьяна в плюшевом халате читает, сдвинув брови, кулинарную книгу, а потом звонит мне и спрашивает, сколько граммов ванильного сахара соответствует обычному кусочку рафинада, и мне стало страшно.

Вопрос философский: а разве это не то самое счастье, изобилие которого я, по идее, должна искренне желать своей лучшей подруге? Разве слова «обустроенность» и «счастье» не являются в современном обществе синонимами?

Может быть, это и так, но что-то я не уверена в том, что отсутствие приключений может и вправду сделать мою Татьяну счастливой.

Так же как и не уверена я в том, что же нужно для полного счастья мне самой.

Однако на другом конце провода немного обиженно сопела Танька, она ждала какой-то реакции на шокирующее сообщение, и я постаралась ее не разочаровать.

– Поздравляю! – воскликнула я. – Ты тоже его из-под чьего-нибудь носа стырила?

Я и сама знаю, что реакция моя была несколько неадекватной. Но что бы вы сделали, если бы две ваши самые близкие подруги с интервалом в два часа торжественно объявили, что они встретили мужчин своей мечты, в то время как у вас прыщи, нет денег на приглянувшиеся туфли, почти три недели не было секса и в разгаре предменструальный синдром?

Но Танька так глубоко погрузилась в болото своей эйфории, что даже не обиделась.

– Его зовут Дима. Настенчик, я больше не могу говорить! Мы сидим в ресторане, он в туалет отходил, возвращается!

Даже не попрощавшись, никак не отреагировав на мое плохое настроение и не поинтересовавшись, не нужно ли мне чего-нибудь (а вдруг у меня закончилось мыло и нечем мылить веревку), лучшая подруга отсоединилась.

А я в сердцах выдернула телефонный шнур из розетки и отправилась в ванную, где в очередной раз решила:

Первое. С завтрашнего дня исключу из рациона все мучное и сладкое.

Второе. Мне определенно не идет челка, которой наградил меня на прошлой неделе парикмахер, когда меня угораздило задремать в его кресле и на минутку потерять бдительность.

Третье. Больше ни за что на свете не буду выдавливать прыщи. Только специальный корректор.

Впрочем, подобного рода обещания я даю себе почти каждое воскресенье. Чтобы с понедельника, по закону жанра, начать новую жизнь.

Объект моей страсти нежной, Сыромятин Борис, – бабник.

Это точно.

Позавчера он обедал с новенькой Аллочкой. А я мрачно вкушала сэндвичи за соседним столиком и краем уха слышала, как он пригласил ее на фильм «Страсти Христовы». Только вот не надо думать, что я подслушиваю. Они просто слишком громко разговаривали.

А вчера я заметила его за тем же столиком, но уже с редактором по звездам Викулей. Боря что-то ей увлеченно рассказывал, а Викуля мелодично похихатывала и выглядела при этом, как сытый кот. А еще я заметила, что Боря постоянно запускает руку под стол, и именно в этот момент Викуля смотрит на него как-то уж слишком красноречиво. Руку на отсечение даю, что под укромной сенью заляпанной кетчупом скатерти подлец лапает коленку этой умело раскрашенной куклы. Я не завидую ей, нет. Мне вообще, может быть, кажется, что для настоящей женщины это унижительно – быть украдкой обласканной на глазах у десятка любопытных коллег. Но не будем о грустном.

И это еще не все.

Сегодня утром я столкнулась с Сыромятиным в курилке. Вообще-то курить я не люблю, но в верхнем ящике рабочего стола всегда держу пачку ментоловых сигарет «Вог». Я давно заметила, что жизнь (в лице главного редактора Юлиана Афанасьевича и его похожей на чучело очковой змеи заместительницы Елены Андреевны) несправедлива к приверженцам здорового образа жизни. Мы, девушки, которые отказываются от сигарет в пользу естественного румянца,

вынуждены сидеть, не разгибаясь, за компьютером, кропая очередные гениальные статьи, или висеть на телефоне в поисках скандальной темы. В то время как заядлые курильщики каждые пятнадцать минут с озабоченным видом выбегают на лестничную клетку, предварительно хлопнув себя по карману, дабы убедиться, что зажигалка все еще на месте, а не сперта кем-нибудь из ушлых коллег. И все смотрят на такое возмутительное поведение сквозь пальцы. И сказать нечего – как не отнестись снисходительно к человеку, у которого руки трясутся от никотинового голодания? Так что с некоторых пор я тоже делаю вид, что курю.

Так вот, когда я деловито спустилась на облюбованный лестничный пролет, зажав в губах дымящуюся сигаретину, то обнаружила там Сыромятина, который, отвернувшись к окну, нежно вещал в мобильник:

– Зайка, я все понимаю. Я так перед тобою виноват. Но любовь – это прежде всего доверие. Поэтому ты должна верить мне: у меня никого, кроме тебя, нет.

В этом месте я интеллигентно кашлянула, но никто и не подумал обратить на меня внимание.

Борис продолжал распинаться перед невидимой мне Зайкой, предоставив мне возможность слепо гадать, кто – Алла или Викуля – зачислен им в отряд длинноухих.

– Я не позвонил, потому что задержался на работе, а в моем мобильнике села батарейка, – было в его интонации что-то нравоучительное, как будто бы он говорил с маленьким ребенком, а не с женщиной, обиженной, встревоженной и, судя по всему, искренне в него влюбленной. – Зайка, ну давай же не будем портить друг другу нервы. А я как раз сегодня собирался к тебе заскочить. Можно?

Я вздохнула – какие все-таки мы, женщины, наивные дурехи. Готова поклясться, что Зайка, поломавшись для видимости минуты полторы, гостеприимно впустит обманщика в свою постель и в свою жизнь.

И Зайка меня не разочаровала, потому что следующей фразой Сыромятина было:

– Танюша, ты умничка! Я счастлив. Уже мчусь!

Я криво усмехнулась: выходит, удача в виде брюнетистого плечистого Бориса обогнула стороной и длинноногую Викулю, и Аллочку, которая третий день подряд появляется в офисе с тугими, как у новозеландской овцы, кудряшками.

Ну и меня заодно.

Я всегда смутно догадывалась, что одинокие женщины под тридцать представляют некоторую опасность для увязшего в бытовом благополучии общества.

В последнее время я чувствовала себя так, словно по моим жилам плавно перемещалась невидимая другим шаровая молния, готовая вот-вот взорваться, наткнувшись на неожиданное препятствие. И вроде бы все было как обычно, я вставала по утрам, красила ресницы и плелась на работу, а вечером встречалась с кем-нибудь в «Джаганнате» или «Оги», и все-таки я постоянно чувствовала в себе эту внутреннюю молнию, буквально физически обжигаясь о ее обманчиво гостеприимное тепло.

Надо было что-то делать. Что-то срочно делать, чтобы окончательно не сойти с ума.

Вот я, недолго думая, и решилась на отчаянный шаг, о котором даже Альке и Татьяне постеснялась рассказать заранее.

Коллагеновые губы. Или силиконовые – а какая мне, в общем-то, разница? Главное, что я выйду из кабинета хирурга-косметолога обновленной, пухлогубой, сексуальной, и, может быть, хоть тогда к моим ногам падет кто-нибудь поприличнее тех типов, что обычно клеятся ко мне в метро и ночных клубах. Я достаточно взрослая, чтобы понимать, что дело тут не во внешности и тем более не в каких-то там губах, а в самооценке. Но что делать, если она катится вниз, как сани с крутой горы?

Телефон клиники мне дала приятельница по имени Арина. В свое время она прошла через все круги ада, уготованные богатым женщинам с неустроенной личной жизнью и растущей с каждым днем неуверенностью в себе: подтяжка век, откачка жира из подбородка и бедер, уколы ботокса, химический пилинг, татуаж бровей и губ. Все это делалось ради того, чтобы ее нефтяной супруг, не вовремя взявший курс на какую-то там секретутку, вернулся к постаревшей немного, зато до каждой черточки знакомой жене. А он все равно не вернулся, даже когда Ариша предстала пред его очами постройневшей, без лишнего подбородка и с новым платиновым цветом волос. Только покачал головой и пробормотал, что все бабы ненормальные.

Казалось бы, Арина должна была на этом успокоиться, затариться антидепрессантами, записаться в спортклуб, завести новых подруг, познакомиться с элитными городскими пушерами, которые по первому требованию снабжали бы ее кокаином и «травой», и попробовать мерзавца забыть, зажив своей, независимой жизнью.

Но не тут-то было – единожды попав под скальпель Пигмалиона, Ариша, словно на сильный наркотик, «подсела» на возможность быть красивой по мановению волшебной палочки скальпеля.

И вот теперь каждые полгода (иногда интервал сокращается) она привычно сдает анализы, чтобы на пару-тройку недель исчезнуть для мира, а потом появиться из операционной, точно Афродита из пены морской.

Арине тридцать восемь лет, но выглядит она моей ровесницей (когда я в форме). Она похожа на Лив Тайлер, только блондинка.

Вот она меня и предостерегла за чашкой травяного чая в каком-то бьюти-баре (повернутая на внешности Ариша не только не употребляла сомнительных продуктов, но даже и не заходила в те места, где их готовили, как будто бы от одного запаха мяса или пиццы можно поправиться):

– Ты молодец, что решилась. Но главное, вовремя остановиться.

– Да мне бы только губы, – улыбнулась я. В присутствии Ариши я всегда чувствовала себя немножко неуютно, потому что все вокруг на нее пялились, подозревая в ней кинозвезду.

– Все так говорят, – мелодично рассмеялась она. – Я вот тоже, когда впервые в клинику попала, хотела всего лишь убрать морщинки на веках. А потом хирург сказал, что я урод. Это была катастрофа.

– Разве они имеют право такое говорить? – удивилась я.

– Это его работа, – усмехнулась Ариша, – это все равно что ушлый кассир «Макдоналдса», подмигивая, интересуется, а не закуешь ли ты еще и пирожок. Его задача – раскрутить тебя на бабки, а твоя задача, соответственно, – не поддаться. У меня не получилось.

– Мне кажется, что ты не жалеешь о том, что сделала, – сказала я, любуясь нежно-персиковой кожей Ариши и ее губами цвета созревающих вишен.

Не буду рассказывать о том, как я с опаской отправилась на первую консультацию и как пожилой армянин с бейджиком «Доктор медицинских наук» тщетно пытался убедить меня в том, что с такой рожей, как у меня, лучше выйти замуж за араба и приобрести паранджу. Не буду рассказывать и о том, как назначенная уже операция отменилась, поскольку утром я выпила для храбрости полстакана коньяку, а потом запоздало выяснила, что перед такими мероприятиями алкоголь категорически возбраняется.

Увеличение губ – операция совсем несложная. Уже через два дня я была дома. Правда, на прощание врач посоветовал мне неделю игнорировать зеркала, и, наплевав на его совет, я поняла почему. Вместо рта на моем утомленном лице зияла развороченная рана, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся раздутыми, как миниатюрные воздушные шары, губами. К тому же вместо контурного карандашика их окаймляли темно-фиолетовые синяки, что тоже не добавляло мне привлекательности.

К вынужденному мини-отпуску я отнеслась философски. Заранее мною был заготовлен стандартный набор праздной девушки, которой по каким-то обстоятельствам возбраняется покидать квартирное пространство. Стопка свежих модных журналов, ароматические свечи с запахом шоколада и корицы, замороженные тортики из супермаркета для гастрономического разврата, видеокассеты с моими любимыми романтическими комедиями и набор антицеллюлитных масок для бедер (потому что в обычные будни мне работать над бедрами лень).

Иногда меня навещали Танька с Алей.

Нет ничего хуже вынужденного домашнего заточения, когда две твои лучшие подруги приезжают к тебе не для того, чтобы привезти витаминов с рынка, а главным образом для того, чтобы поделиться подробностями своей феерической любви. А ты слушаешь их и делаешь вид, что тоже счастлива, а сама лежишь на диване дура душой со своими коллагеновыми губами.

А однажды – вот этого я вообще никак не ожидала – мне позвонила Варенька, та самая, которую я случайно встретила на улице в День святого Валентина.

– Настька, привет, куда пропала? – звонко воскликнула она. Как будто бы мы расстались позавчера. Как будто бы я не бросила ее самым подлым образом в компании трех разгоряченных эротическими предвкушениями богатеньких пижонов. Странно, а ведь раньше Варвара была из обидчивых.

– Привет, – неуверенно поздоровалась я, подозревая подвох.

– Куда ты тогда делась? Люсик про тебя спрашивал, переживал!

– Прекрати. Я с ним за весь вечер и тремя словами не перекинулась.

– Ну и зря, что ушла. Мы потом поехали в пентхаус к Люсику, и там был еще мой знакомый разорившийся олигарх со своей новой девушкой, японский диджей, Закидонов (это жутко модный художник) и группа «Динамит» в полном составе.

От ее болтовни у меня почему-то заломило шею и разболелись измочаленные губы.

– Закидонов сказал, что напишет мой портрет, – похвасталась она. – Надо же, оказывается, Люсик с ним плотно дружит. Кстати, я тебе говорила, что теперь сплю с Люсиком?

– Слушай, Варь, у меня болит зуб, – соврала я, – и хоть вся эта информация о Люсике меня должна, видимо, впечатлить, но я даже не знаю, кто он такой. В первый и последний раз его видела.

– Насчет последнего – не зарекайся, – весело воскликнула она, – ты же светский хроникер, а таких людей не знаешь. Да его папе принадлежит сеть отелей, а сам он – всегда во главе тусовки.

– А мне показалось, что твой Люсик выглядит как чмо, – неизвестно зачем поддразнила я Варвару, ожидая, что теперь-то уж она точно пошлет меня на три буквы и я смогу с облегчением удалить из электронной записной книжки ее номера.

Но не тут-то было. Вместо того чтобы обидеться, эта странная особь громко расхохоталась:

– Насть, ты такая забавная! Я уже от твоих шуточек отвыкла... Знаешь, вообще-то я тебе по делу звоню.

– Кто бы сомневался, – пробормотала я, – что там у тебя, выкладывай.

– Просто в следующую пятницу в «Джаз-кафе» будет выступать бывшая жена Люсика, она певица. И Люсик пригласил меня, потому что хочет меня с ней познакомить. Она типа его близкий друг, а я – дорогой для него человек. – Вареньку так и распирало от гордости, как будто бы сам Мик Джаггер черкнул ей автограф на правой ягодице. – И с нами напросился Закидонов. Ну, художник. И вот Люсик считает...

– Меня уже тошнит от имени Люсик, – честно призналась я, – попробуй сформулировать конкретно, зачем тебе понадобилась лично я.

– Закидонову не с кем пойти, – вздохнула Варя, – и Люсик попросил меня подыскать ему пару на вечер.

– Ты что, работаешь у этого Люсика сутенершей? – фыркнула я.

– Вот вечно ты несешь всякий бред! – наконец оскорбилась Варенька. – Просто в такие клубы вроде как неприлично идти без пары. Закидонов недавно развелся, и у него сейчас никого. Вот Люсик и спросил, нет ли у меня симпатичной одинокой подружки? Я сразу же подумала о тебе.

– И что не так с этим Закидоновым? Почему ему пригласить на концерт некого? Он лысый коротышка, у которого воняет изо рта?

– Настя, какая же ты бестактная. Ты разве не понимаешь, человек развелся. Ему хочется вырваться из прошлого круга общения, вернуться к жизни. Между прочим, он молодой и красивый. И зарабатывает бешеные бабки.

– Если так, то могу порекомендовать свою подружку Таню. Она с удовольствием пойдет. А у меня что-то нет настроения.

– Эту крашеную выдру? – ошетинилась Варвара.

Я вспомнила, что когда-то, еще в далекую офис-менеджерскую пору, сдуру познакомила ее с Танькой. Ничего хорошего из этого не получилось. Раньше я и не подозревала, что женщины ревнуют своих подружек друг к другу. И Татьяна, и Варенька весь вечер просидели нахохлившись и почти не разговаривали друг с другом. А потом Танька сказала мне, что знакомство с Варей до добра меня не доведет. А Варвара была более конкретна: она попросту обозвала Татьяну потаскушкой, и все тут.

– Ни за что! Закидонов – это не какой-нибудь разбогатевший безграмотный торговец рыбой. Это интеллигентнейший человек тончайшей душевной организации! Да его стошнит от этой твоей крашеной толстухи!

– Во-первых, Танька худее меня на размер, – рассмеялась я, – во-вторых, у меня тоже волосы крашеные. Я давно заметила, что женщины всегда очень нервно реагируют на крашенных блондинок, а вот крашенные брюнетки их почему-то не смущают ничуть. А в-третьих, я вовсе не считаю себя тонкой натурой. Я люблю «Макдоналдс», и магазины меня интересуют больше, чем, например, выставка античной скульптуры. И вообще, я ничего не понимаю в живописи. Так что от меня твоего Закидонова тоже, скорее всего, стошнит.

– Настька, ты гениальна! – неизвестно чем восхитилась Варвара. – Твои монологи можно записывать, а потом публиковать! Ты ему непременно понравишься, я точно знаю.

– А он мне – вряд ли, – капризничала я, – если он такой же, как твой Люсик.

Я ждала, что хоть теперь-то Варвара покажет свое настоящее лицо. Но ничего подобного – она продолжала добродушно похихатывать. А ведь было время, когда она мне чуть в волосы не вцепилась, когда я сказала, что поп-певец Даррен Хейс, от которого она была без ума, выглядит как типичный представитель сексуальных меньшинств. Надо же, как время людей меняет! Или же ей просто что-то от меня нужно? Но что?

– А даже если и не понравится, что такого-то? Сходим в «Джаз-кафе», жену Люсика послушаем. Пожрем по-человечески и мирно разойдемся. Тем более что я ему уже пообещала.

– Ну, не знаю... – засомневалась я.

С одной стороны, встречаться лишний раз с Варей мне не хотелось. От таких людей, как она, ничего хорошего ждать не приходится. С другой – я, пожалуй, была бы не против щегольнуть новой формой губ в таком модном месте, как «Джаз-кафе».

В конце концов, они же не прикуют меня наручниками к стулу. Если этот Закидонов будет меня раздражать (хотя я уже сейчас подозреваю, что носитель такой фамилии не может оказаться нормальным мужиком, да еще и в моем вкусе), я просто встану и уйду.

– Пошли, Настена, будет весело, – ныла Варвара.

И я сдалась.

– Ну ладно, можешь на меня рассчитывать. Только я тебя заранее предупредила, что я ненадолго. Чтобы потом, на всякий случай, ты не предъявляла мне глупых претензий!

Пить яичный ликер «Адвокат» прямо из горлышка бутылки в половине пятого утра, стоя на Софийской набережной лицом к Кремлю, – это перебор даже для меня.

Было так холодно, что я не чувствовала ни одного из двадцати пальцев. В мои замшевые сапожки от Балдинини набился снег.

Мы с Геной уныло ждали открытия метро, пытаюсь согреться сладким ликером, который после запойной ночи казался нам невинным десертом и производил скорее не согревающий, а раздражающий эффект.

Какое идиотство – ждать открытия метро, когда тебе под тридцать и одни твои перчатки стоят больше, чем единый проездной билет на все виды транспорта. Но такова жизнь. Все наличные были нами безалаберно пропиты. А ведь начиналось все так цивилизно!

Встретились мы, чтобы отметить мой первый «новогубный» день. Гена возжелал увидеть мое новое лицо и по этому поводу заказал столик в «Зебра-сквер». Ну а я, конечно, не могла упустить возможность щегольнуть перед богемной публикой в своей новой «памелоандерсоновской» вариации. Дабы не выбиваться из образа, я даже на пару размеров увеличила грудь с помощью чудо-лифчика с силиконовыми прослойками и напялила карнавально-алую блузу с весьма недвусмысленным декольте.

Я вышла из дома самой красивой женщиной в мире. Самой красивой женщиной в мире я добиралась на метро до места икс. Самой красивой женщиной в мире я подкралась сзади к Генке, который ждал меня, сжимая в руках ветку орхидеи, и закрыла ему глаза ладошками.

Я перестала быть самой красивой женщиной в мире, только когда он обернулся и, отшатнувшись, вскрикнул:

– Что это за кошмар?

Моя улыбка сползла в декольте.

– Это не кошмар, а твоя подруга Настя, которую ты знаешь почти десять лет и которая до этого самого момента считала, что выглядит умопомрачительно.

– Это так. – Он отдал мне орхидею, а затем взял мое лицо в ладони. – Умопомрачительно. В том смысле, что у старушки Насти, похоже, помрачился ум... Что это за чертовщина?

– Я увеличила губы, – поведя плечом, вполголоса объяснила я, – и мне так нравится больше. Так что если не хочешь, чтобы я тебя возненавидела, немедленно заткнись.

Он и заткнулся – как и положено преданным воздыхателям, Геннадий был готов подчиниться любому, даже шуточному, моему приказу. Он послушно молчал, но весь вечер посматривал на меня странновато, и под этим взглядом моя окрепшая самооценка медленно плавилась, как кусочек сливочного масла на раскаленной сковороде.

Несмотря на то что я знала, что выгляжу потрясающе, а Гена – деревенщина и дурак, вечер был испорчен. Но все-таки я позволила ему довести меня до «Зебры», усадить за центральный столик и угостить шампанским, креветочным коктейлем, а потом еще и яблоками в кляре.

Алкоголь, как водится, подтопил лед моего разочарования, и мне захотелось продолжения банкета. И мы отправились сначала в какой-то малоизвестный бар на Лубянке, где администратором служил Генкин однокурсник и потому наливали нам бесплатно (пользуясь такой оказией, я не стеснялась заказывать самые дорогие коктейли), а потом догнались водкой со льдом в танцевальном баре «Фреш».

Нам было так весело, что, казалось, мы можем со студенческой ретивостью протанцевать всю ночь напролет. Но уже к половине четвертого дали о себе знать, во-первых, почти преклонный возраст, а во-вторых, шпильки от Балдинини. Мне мучительно захотелось скинуть сапожки, свернуться калачиком в глубоком уютном кресле и дремать под какую-нибудь мелодраму. И тогда Гена сказал:

– А поехали ко мне смотреть «Реквием по мечте» и пить ликер «Адвокат»!

Так мы и поступили. Однако, когда ликер был уже приобретен, а рука призывно вытянута в поиске такси, Гена вдруг заглянул в бумажник и побледнел. Выяснилось, что у нас неожиданно кончились деньги – все, до копейки. Нам не удалось ни уломать водителя отвезти нас в Коньково бесплатно, ни сдать ликер обратно в гастроном.

Вот так мы и оказались на стылой Софийской набережной в несусветную рань.

За те полчаса, что были потрачены на хаотичное согревание (путем подпрыгиваний на месте и вливания в себя сладкого пойла), мы раза три переругались почти до драки. Но потом поняли, что от этого все равно ничего не изменится.

– Это самая дурацкая ситуация из всех, в которых мне довелось побывать, – сказал дрожащий Гена, пытаюсь закутаться в мохеровый шарф.

– Тогда ты из везунчиков, – криво усмехнулась я, – а я вот постоянно попадаю в такие.

– Да ты не в счет, ты у нас вообще девушка рисковая. Взять хотя бы твои эти губы. Ни за что не подумал бы, что моя Настена способна на такое.

Говорить тоном холодной светской львицы было непросто, потому что у меня зуб на зуб не попадал.

– Во-первых, я не твоя. А во-вторых, мы, кажется, договорились! О моих губах больше ни слова.

– Мне просто интересно, зачем? – У него был такой скорбный вид, словно я только что сообщила ему о своей неизлечимой болезни. – Неужели все из-за этого... как его там...

– Сыромятина, – услужливо подсказала я, – в том числе и из-за него. Завтра я планирую начать сезон охоты.

Глава 4

Мой сезон охоты начался с того, что я опоздала на работу на полтора часа и получила взбучку от Юлиана Афанасьевича.

Самое странное – никто из коллег не заметил, что губы мои видоизменились, однако каждый счел своим долгом подойти и сказать, что выгляжу я потрясающе. «Стрижка, что ли, новая?» – подозрительно спросила корректор Катя. Бухгалтер Наталия Ивановна, прищурившись, заявила, что новый цвет помады мне к лицу. А Инка из секретариата застенчиво попросила поделиться телефончиком моего косметолога. Про губы никто не проронил ни слова.

Настроение мое было весенним, несмотря на то что за окном никак не таяли унылые сугробы, а на моих ботинках красовались соляные разводы в стиле «камуфляж». Ну и наплевать. Зато я чувствовала себя обновленной и желанной – несмотря даже на то, что возжелать меня никто пока не успел.

На мой взгляд, открытие сезона охоты не имеет ничего общего с деликатным покуриванием ментоловой сигаретки в курилке и вкрадчивым подслушиванием телефонных бесед находящегося там же Бориса Сыромятина. Нет, новые губы, словно волшебный талисман, придали мне воинственной решимости. Я собиралась храбро атаковать объект моих мечтаний, и ничто не могло меня остановить.

Ни «поехавший» в самое неподходящее время (я как раз приближалась к кабинету, где находился заветный лакомый кусок) чулок.

Ни возникшее в последний момент предчувствие, что все мои бестолковые суетливые чаяния заведомо обречены на провал.

Ни даже Аллочка в золотистой юбке из репертуара звезды стрип-клуба, которая похозяйски развалилась на Борином столе (!) и задумчиво читала какие-то факсы. А когда я вошла в кабинет и с перепугу вместо хриплого эротичного приветствия промычала «Здрасте!», она удивленно приподняла тщательно прорисованные бровки и даже не удосужилась сказать что-нибудь в ответ.

Сыромятин находился здесь же – он с самым что ни на есть сосредоточенным видом резался в какую-то компьютерную стрелялку.

– Э-э-э-э... Привет, – повторила я, и только тогда он лениво оторвал голову от атакующих его трехглавых монстров.

– Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Вообще-то... – Я уже вовсе не была уверена, что идея с проявлением инициативы так уж хороша. – Вообще-то у меня разговор есть.

В его пустоватом взгляде мелькнула заинтересованность.

– Прости, а ты... – Он нахмурился, предоставив мне возможность вежливо представиться.

Что я (не без некоторого сожаления) и сделала.

– Я Настя из отдела светской хроники.

– Ну да, как же, – его лицо просветлело, – мы с тобой пили текилу на редакционной новогодней вечеринке!

«Совершенно верно, – вздохнула я, – и тогда я так радовалась, что ты наконец ко мне подошел, я так надеялась, что после совместного распития спиртного в твоем взгляде появится мечтательная теплота, предшествующая нашему первому поцелую. А ты пошел танцевать с какой-то фифой из рекламного отдела, а на следующий день в очередной раз не вспомнил, как меня зовут!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.